

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

10 Ledna 1933.

Volné Kozáctvo

Ročník VI.

10-го января 1933 г.

120

10-го січня 1933 р.

П Р А Г А

П Р А Н А

ГОД ИЗДАНИЯ 6-ой

РІК ВИДАННЯ 6-ий

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Вечная память — павшим, выше головы — живые. (Věčná pamět mrtvým, živí! — hlavy vzhůru).
2. Конст. Поляков: Опять казаки восставали. (Verše).
3. Ив. Томаревский: С новым годом! (Verše).
4. В. Седов: С новым годом! (Verše).
5. Казацитъ и Казашкитъ въпросъ. (Kozáci a kozácká otázka).
6. Чужинец: Козакофильство „Колокола“ (Герцена, Огарева и Бакунина). (Kozakofilstvo „Kolokola“).
7. Т. М. Стариков: В. А. Харламову. (Odpověď p. Charlamovu).
8. М. Тростянский: Боевой профессор и литературный генерал. (Bojovní profesor a literární general).
9. С. Савельев. На разные темы. (Na různá thema).
10. Праздник ВК: в Лионе, Августове и Шабаче. (Svátek VK).
11. Письма-приветствия, полученные редакцией „ВК“ ко дню 10 декабря 1932 г. (Dopisy a pozdravy redakci ku dni 10 prosince 1932).
12. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
13. Всем казакам — Букин. (Všem kozákům).
14. В Казакии. (V Kozácku).

Почтовый ящик.

- Бийянкур. — И. С. — Будет помещено в след. номере. Привет.
- Уен. — М. К. — Будет напечатано в след. номере. Привет.
- Южин. — В. Б. — Будет помещено в след. номере. Привет.
- Београд. — Б. К. — Все получено. Используем в след. номере. Привет.
- Болгария. — И. Т. — Получено. Привет.
- Лесковац. — И. Т. — Посылаем. Привет.
- Франция. — О. Ш-ко. — Добре. Вітаємо.
- Парачин. — К. К. — Подписную плату можете внести на почте по прилагаемому при настоящем номере чеку-переводу. Привет.
- Лион. — Т. Х. — Получено. Привет.
- Южин. — Г. Б. — Объявления о розыске помещаем бесплатно. Привет.
- Италия. — Н. П. — Получено. Привет.
- Ески-Джумая. — И. К. — Пришлите нам № 363 „Общественная Трибуна“. Привет.
- Белград. — Н. Б. — Исполнено. Привет.
- Братислава. — С. З. — Надрукуемо в след. числі. Вітаємо.
- Виши. — Д. Ч. — Получено. Привет.
- Франция. — В. С. — Получено. Привет.
- Греция. — А. З. — Подписная плата для Греции — как и „в другие страны“, т. е. 3 доллара. Греческой валюты здесь продать нельзя. Привет.
- Кастельно. — С. — Получено. Привет.
- Париж. — В. С. — Используем в след. номере. Привет.
- Нью-Йорк. — Т. — Ответ — письмом. Привет.
- Бельгия. — Н. Б. — Получено. Привет.
- Чикаго. — В. П. — Получено. Привет.
- Новый Сад. — П. Н. — Хорошо. Привет.

Гонорар не платится.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.
В БРАТИСЛАВЕ: И. И. Безуглов.

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундрюцков. Белград.
А. Чекин. Крагуевац.
Г. В. Алферов — Мраморак.
Д. Захаров. — Смедерево.
С. Бобришев. — Кочане.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj.
С. М. Маргушин. M-eur Margouchine.
Bukarest V.
А. К. Бабков. M-eur Babkoff, Galatz.

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. Варшава.
С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew. Wilno.
А. Кириянов. Августов.
Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.
Н. Егоров. Лом.

В О ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. Париж.
А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; Lyon.
Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; Lyon-Vaise.
И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina. Cenon (Gironde).
С. К. Поляков. M-eur S. Poliakoff, Rombas.
Г. В. Балабин. M-eur Balabine. UGINE.
С. Чепурной: M-eur Tchepournoi, Vichy.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-г Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

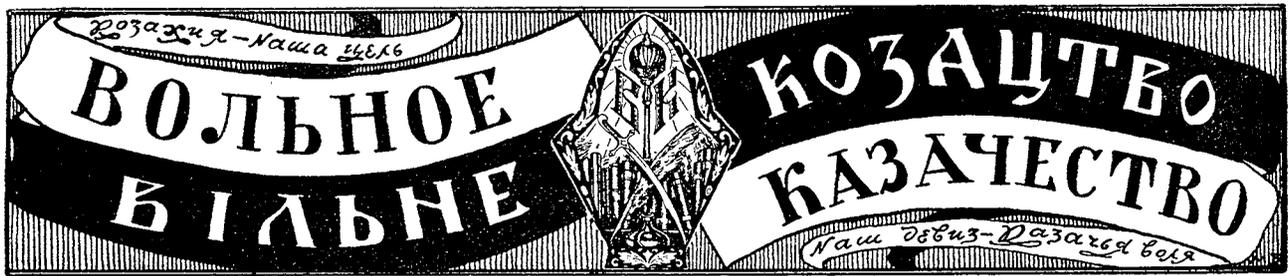
С. Савицкий. S. Savytzky. Brasil.

НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ:

И. Константинов. Харбин.

В ГЕРМАНИИ:

Г. А. Козловский. Berlin.

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.
(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207 Tchécoslovaquie.

№ 120

Вторник, 10 января, 1933 = Вівторок, 10 січня, 1933.

№ 120

Вечная память — павшим! Выше голову — живые!

Во второй половине декабря прошлого года во многих газетах появились известия о восстании кубанских казаков в районе станицы Тихорецкой против московской оккупационной власти на Кубани. По сведениям тех же газет, восстание это, не распространившееся на соседние районы и другие казачьи области, после первых удачных дней, было в конце концов подавлено большими численно и технически превосходящими советскими войсками, стянутыми из Ростова и Северного Кавказа. В результате — большие потери в боях с обеих сторон, а потом — десятки и сотни расстрелянных побежденных, многие тысячи высланных в северные концентрационные лагеря...

Страшные известия. Беспредельная скорбь охватывает душу... Но... значит — не сломлен еще там казачий дух... Значит, Казачество не отказалось от мысли изгнать из родных пределов непрошенных гостей... Значит, Казачество придавлено, но не покорилося...

Когда люди знают, что ждет их в случае неудачи и все же идут на восстание, то это свидетельствует больше всего о степени тяжести большевицко-коммунистического сапога, со всей своей силой навалившегося на Казачьи Земли... К восстаниям легко не прибегают. Восстание — последнее средство, последний аргумент...

Кровь, пролитая за свободу народа, никогда не пропадет даром: рано или поздно приносит свою жатву... Кровь казачья, так щедро проливаемая ныне на казачьей земле чужой для нас московской рукой, является наилучшей гарантией для еще более бурного роста и укрепления Казачьей Идеи, а Она, взрожденная на казачьих костях и вспоенная казачьей кровью, неизбежно приведет к результатам обратным тем, каких хотят достигнуть своими кровавыми методами поработители...

Но, неудачное восстание учит и восстающих! На страницах „ВК“ мы говорили уже, как велика роль и сколь велика ответственность вождей и руководителей восстаний. Ибо это они должны наперед обеспечить восстанию успех. Если же восстание не имеет шансов на успех, то его лучше не поднимать — торжествующие победители не жалеют крови побежденных.

Те многие неудачные восстания, которые произошли уже за тринадцать лет оккупации в Казачьих Землях, на Украине, на Кавказе и у других народов, не примирившихся и не помирившихся с советским московским над собою господством, учат всех нас одному: Москва сейчас гораздо сильнее каждого из нас в отдельности и, несомненно, подавит всякое „местное“ восстание. Поэтому все мы — и там, и здесь — должны готовить одно общее, одновременное и согласованное восстание всех поработенных народов против красных оккупантов. Только оно даст победу нашим народам и принесет Освобождение. — Это первая и важнейшая задача всех нас — и казаков, и украинцев, и кавказцев, и туркестанцев, и...

— Низко склоним свои головы перед памятью павших. Склонимся и перед страданиями казаков-мучеников в Соловках и северных холодных и голодных лесах, но падать духом нам нельзя!

Вечная память павшим! И — выше голову, казак!

Константин Поляков.

ОПЯТЬ КАЗАКИ ВОССТАВАЛИ!

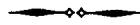
Когда Сако и Ванцети казнили,
 Весь мир кричал о них,
 А теперь, Европа, на глазах твоих
 Тысячи казаков убили...
 Ты молчишь. И когда столицы
 Твои в свете купаясь стоят,
 Разоренные наши станицы
 От руки московской горят.
 Восемнадцать тысяч прикладами
 Толкают чекисты в Сибирь...
 Задымилась от крови казачьей
 Почерневшая жуткая ширь...

 Если бы у вас отняли
 Ваших близких людей, родных,
 О, вы бы тогда поняли,
 Как нам больно за братьев своих.
 Не вино — кровь людская там льется,

Не бокалы — штыки звенят!
 О, Европа, когда твое сердце забьется
 И твои уста заговорят?..

 Мстите, братья, кто в силах мстить,
 Рвите тяжкие вражьи цепи.
 Кто не может — на павших учитесь любить,
 Обагранные кровью степи.
 Над остывшими трупами павших
 Не заплачет ни мать, ни сестра..
 Грустно стонет над ними пурга,
 Да ей вторим мы болями нашими.
 Они умерли там за свободу свою,
 Но живет слава их молодецкая!
 Пусть живым нам в грядущем бою
 Будет лозунгом — Тихорецкая!.

30-ХІІ-32 г.

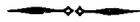

Ив. Томаревский (Болгария).

С НОВЫМ ГОДОМ!

С Новым Годом! Всем желаю
 Братьям счастья — быть скорей
 Там, где каждый быть мечтает —
 На полях страны своей;
 Там, где нивы золотые
 У заветных вод цвели,
 Где зеленые, цветные
 Степи морем залегли;
 Где станицы с хуторами
 Цепью длинною лежат,
 Вековые где курганы
 Волю предков сторожат...

Пусть вдохнет вам наша Воля
 Подвиг славный — отстоять
 Поскорее свое поле —
 Казакию в нем создать;
 Чтоб потомки, ваши дети,
 Коль не вы, то хоть они
 Были-б вольными во веки
 В Казакии на степи..
 С Новым Годом, братья Воли!
 Выполняйте-ж долг святой —
 Быть скорее в старой роли —
 Жить с свободой вековой.

В. Седов. (Франция).

С НОВЫМ ГОДОМ!

Еще один ужасный год уходит в вечность.
 Что принесет грядущий Новый Год?
 Уйдет ли, как старый, в бесконечность,
 Или избавит нас от всех мучений и невзгод?
 Оглянешься назад — мы много потеряли
 Соратников из рати боевой..
 Все каждый Новый Год надеялись, все ждали
 И в мир другой ушли в стране чужой.
 Чужие люди им их в землю опустили.
 Среди чужих неведомых могил
 Они, несчастные изгнанники, почил.
 Никто о них горячих слез не лил.
 Им память вечная — они свой путь свершили,
 Без ропота неся свой тяжкий крест.
 До гроба телом и душой служили
 Родным Краям — за их свободу, за казачью
 честь...

Вам — всем живым — я не хочу ни почестей,
 ни славы,
 Ни пышных разукрашенных хором, —
 Желая-ж от души, что-б все вы были здоровы,
 Все возвратились в родной отцовский дом,
 Увидели родимые станицы,
 Обняли-бы любимых жен, детей —
 Все родные и милые вам лица —
 И осушили слезы бедных матерей..
 Но не с поникшею, а гордой головою
 Вернулись-бы в родимые Войска! —
 Что-б над свободною казачьею землею
 Победный реял стяг былого казака..
 Пусть Новый Год несет нам крепость духа,
 Плечом к плечу сомкнет наши полки,
 Соединит в одно былого недруга и друга..
 Так с Новым Годом, братья казаки!

20-ХІІ-1932.

Редакция журнала „ВК“ от всей души поздравляет всех своих сотрудников и читателей и всех вольных казаков: и там, под красным московским игом, здесь — в рассеянии — сущих, с

НОВЫМ ГОДОМ

и праздником РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

Дай Бог, чтобы новый год принес Казачеству освобождение.

Казациѣ и Казашкиятъ въпросъ.

Казациѣ били едни отъ петъѣ славянски народи, отъ които се съставяла старата руска империя (руси, поляци, украинци, бѣлоруси и казаки).

Казациѣ, изгубили преди двеста години своята самостоятелностъ, встѣпватъ сега наново въ пѣтя на народното си възраждане, — пѣтя на борба за освобождение и обновление на свободата и държавната имъ самостоятелностъ.

Съ желѣзно постоянство и безгранично самопожертвование, тѣ винаги ще се стремятъ да постигнатъ своята цѣль.

Казашкиятъ народъ тѣрпейки въ своя край непоносимата окупация на червена Москва, понасайки всичката тежестъ на живота на емиграцията, не простира никому рѣка за помощъ, но и не очаква равнодушно докато други му извоюватъ по-добра участъ. Напротивъ, въ борбата за своята сѣдба и за бѣдѣщето си, народа възстава самъ, и ако намира съюзници, то преди всичко сѣ тѣзи, който сѣщо като него, искатъ да се освободятъ отъ игото на червената властъ.

Ние казациѣ имаме особено право да очакваме помощта на другитѣ народи. Ако очакваме помощъ, то не е само за нашъ личенъ интересъ, но и отъ съзнанието, че за много народи не може да бѣде безразлично, какъ ще се свѣрши борбата за освобождението на поробенитѣ подъ С. С. С. Р. крайове. Освенъ това сме дълбоко убедени, че агресивниятъ болшевизъмъ въ источна Европа, съ своето стремление за преобразуване на свѣта, споредъ новитѣ московски образци, не предрича нищо хубаво за бѣдѣщето на много народи, които вече предвиждайки опасността, гледатъ да се предпазятъ предъ него, обграждайки се съ китайски стени.

Какви помощи искаме отъ васъ?

Преди всичко морални.

Свѣтътъ знае за насъ казациѣ твърде малко, а и това което знае, много пѣти не отговаря на истината, понеже источницитѣ отъ които изхожда, не винаги искатъ да говорятъ за насъ самата правда.

Сега обаче, ще говориме ние самитѣ за себе си.

Не искаме да отекваме никого съ обширната история на народната ни трагедия, затова ще премълчиме миналото ни, изпълнено съ

борби за нашата свобода. Искаме само на това мѣсто, да опишемъ съ нѣколко думи, днешното ни положение и стремленията ни за въ бѣдѣще. Сѣщо — да кажемъ, какъ и ние наравно съ другитѣ народи, искаме да си извоюваме свобода, право на животъ и пълна самостоятелностъ въ опредѣлянето на нашата сѣдба. Искаме да ни чуете, но главно добре да ни разберете.

Казациѣ произхождатъ отъ тѣзи славянски племена, които презъ времето на създаването на Киевска Русия, а по късно на Московската държава, обитавали обширнитѣ степи между рѣкитѣ Волга и Донъ, достигайки брѣговетѣ на Азовско и Черно море. Разположени на голѣмия пѣтъ между Азия и Европа, по който преминавали много народи, главно отъ истокъ къмъ западъ, азовскитѣ славяни възприели голѣмъ процентъ чужда кръвь, главно тюрска. По такъвъ начинъ имено се създаде Казашкиятъ народъ, въ който все пакъ преодолявалъ славянскиятъ елементъ.

Постоянитѣ нападения на азиатскитѣ племена значително задържали развоия на държавния строй у Казациѣ. При все това, презъ XIV, XV вѣкъ изникнали две казашки републики: едната надъ Днепъръ, другата надъ Донъ, които въ послѣдствие презъ цѣлото XV, XVI и XVII столѣтие запазили свѣршена самостоятелностъ. Въ края на XVII вѣкъ границиѣ на Московската държава се допрѣли непосредствено до тѣзи на казациѣ и отъ това време се започнала непрестанна експансия отъ страна на руситѣ върху тѣзи земи. Окончателенъ ударъ нанесълъ на казациѣ царъ Петъръ I въ 1708 г., чрезъ разбиването и унищожението на донската република. Отъ този именно день, казациѣ загубили своята независимостъ. Въ 1775 година Екатерина II разбила и унищожила до основи републиката на запорожитѣ казаки, останки отъ които впоследствие, се заселили въ Кубанъ.

Казациѣ изгубили своята свобода и представлявали частъ отъ руското царство. При все това, до края у тѣхъ се запазили останки отъ миналитѣ имъ автономни права и вътрешния имъ строй, въпреки че царската властъ въ продължение на цѣли две столѣтия, систематично се е стремѣла да изличи всичкитѣ следи на недалечното имъ, но славно минало. За това при избухването на руската революция, каза-

цитѣ съумѣли съ такава непонятна, за останалитѣ народи, леснина, да се отцепятъ отъ Русия и да създадатъ своя самостоятелна държава, изградена обаче по съвършено другъ типъ, отколкото тази на руситѣ. Презъ 1917—18 год. изникнали три съвършено независими републики: донската, кубанската и терската. Подобни движения, се появили въ Уралъ и между оренбургскитѣ и астрахански казаци, даже се пренесли върху най-отдалеченитѣ сибирски войски.

Обаче, въ кратко време станало ясно, че политика-та на новитѣ руски власти по отношение на казациѣ, се запазила толкова безогледно агресивна, колкото тази на предишната царска власт. Болшевицитѣ започнали борба съ младитѣ казашки републики. Тѣзи, за свое нещастие, се намирали въ значително усложнено положение, отъ една страна, поради нежелателното вмешателство на руската „бѣла армия“ — генер. Деникинъ и Врангелъ, а отъ друга страна, поради насилието на голѣмото съглашение, което незнайки и неразбирайки значението на казашката независимост, предприемало всичко възможно, за да принуди казашкитѣ армии да служатъ въ интересъ на руската контрареволуция. Отъ стечението на всички тѣзи факти следвало, че въ последствие, казациѣ били принудени къмъ неравна война съ руския народъ, който въ това време подържалъ болшевицитѣ. Поражението било неизбежно, но настъпило следъ героическа борба. Тази катастрофа убедила още веднѣжъ казациѣ, че само по пѣтя на свободата, могатъ да осигурятъ на отечеството си щастие и безопасност.

Днесъ казашката държава се намира подъ болшевишката окупация. Извѣстно е на всички, какъ страшна и безмилостна е властѣта на червена Москва, спрѣмо победенитѣ врагове. Безъ огледъ на това, казашкото народно движение се пробужда и расте съ всѣка нова година. Никакви насилия и терори нѣма да бждатъ въ състояние, да го подтиснатъ.

Положението въ което се намиратъ нашитѣ краища, отдалечени отъ цѣлия свѣтъ посредствомъ китайска стена, налага на насъ казашката емиграция отговорниятъ и свѣтъ дългъ: да издигнемъ гласъ, за защита на правата и отечеството ни. Казашката емиграция, продължавайки започнатата въ 1917 година война, взима върху себе си отговорността, да представлява предъ цѣлия свѣтъ народътъ си, не изгубвайки връзка съ него, и неговитѣ тайни стремления и надежди. И ако този свѣтъ създава грозящата го опасностъ отъ страна на истока, то ще ни укаже заслужена помощъ и разбирателство. Преди

всичко желаеме да узнае свѣта нѣщо за насъ — отъ насъ самитѣ. Малцина сж тѣзи които знаятъ напр., че голѣмиятъ лозунгъ на французката революция: свобода, равенство и братство, много по-рано е билъ възприетъ отъ казациѣ, на които е служилъ като главна основа на държавния имъ строй.

Въпреки, че казациѣ сж претърпѣли поражение, при все това тѣхната воля не е потжпкана и гласътъ имъ не е заглъхналъ.

Сподавенъ въ отечеството, той се издига между емиграцията, която воюва за справедливостъ и за законнитѣ си права.

Казашката емиграция е обединена въ организацията „Свободно казачество“, чийто печатенъ органъ се издава всѣки две седмици въ Прага, подъ името „Волное казачество“ — „Вилне казачество“ (по украински). Нейната задача е да разясни на цѣлия свѣтъ, казашкитѣ стремления и правото имъ на независимост.

Програмата на тази организация е кратка но ясна. Имено: освобождение на земитѣ и народитѣ на всичкитѣ шестъ европейско казашки войски (донски, кубански, терски, астрахански, уралски и сибирски); сжщо на калмитската земя, която се намира подъ властѣта на С. С. С. Р. и създаването на една независима държава — КАЗАКИЯ.

Въ годинитѣ 1917—1920, казациѣ четири пѣти повдигали въпросътъ за казашката съюзна държава. Този въпросъ нито веднѣжъ не е могълъ да се осжществи, само поради намѣсата на чужди тѣмъ сили.

Какво би представляла сама отъ себе си, така създадената нова държава?

Територията на шестѣтъ европейски казашки войски, заедно съ калмититѣ се равнява приблизително на 870000 кв. клм., обитавани отъ повече отъ 11 милионъ население

Не можеме, въ рамкитѣ на една такава малка статия, да дадеме всичкитѣ исторически, географически и икономически подробности. За научаването на следнитѣ, можеме да ви препорѣчаме специални научни трудове, занимаващи се съ този въпросъ. Тукъ можеме да ви убедиме само, че не само историческитѣ права, но и географическитѣ и икономическитѣ причини сж въ нашитѣ рѣце важенъ аргументъ, говорящъ за възможното осжществяване на тази програма.

Така изглеждатъ въ общи черти стремленията на днешнитѣ волни казаци. Излизайки съ тѣхъ предъ свѣта, надеваме се още веднѣжъ, че казашкиятъ въпросъ сега, ще бжде добре разбранъ и ще спечели истински симпатий всрѣдъ приятелитѣ на правото, културата и напредъка.

4 сего январа в Пражском православном храме св. Николая по инициативе редакции „ВК“ отслужена панихида по казакам, павшим в боях или от рук палачей во время последнего (ноябрьского) восстания на Кубани.

Присутствовали не только вольные, но и казаки иных политических убеждений, а также представитель редакции украинского неперіодического журнала „Гуртуймося“.

Чужинец.

Казакофильство „Колокола“ (Герцена, Огарева и Бакунина).

(Идея вольного казачества в XIX веке).

В 1857 г. в Лондоне, произошла любопытная встреча между вождями российского политического радикализма — А. И. Герценом и Н. Пл. Огаревым, с одной стороны, и видным участником вольно-казачьего движения этой эпохи Ос. Гончаровым, с другой. С этого момента началась интересная история взаимных попыток использовать вольно-казачьи стремления для дела всероссийского освободительного движения и российский политический радикализм в интересах казачества и старообрядчества. История эта длилась лет 7-8. Инициатором встречи был Гончаров. И надо отдать честь живости мысли и решительности действий этого казака старообрядца из глухой турецкой провинции. В этом самом году только что был создан в Лондоне первый русский свободный орган — „Колокол“. Во главе его стали Герцен и Огарев, вокруг которых вскоре же сгруппировались их ближайшие сотрудники и помощники. Среди последних в 1859 году появился В. И. Кельсиев, который играл затем видную роль в попытке войти в непосредственное соприкосновение с русским эмигрантским казачеством в Турции, а через него и с казачеством в пределах Российской Империи. В тесном контакте — с 1861 года — с „Колоколом“ был знаменитый революционер Бакунин, который также сыграл некоторую роль в излагаемой далее истории. Свою долю участия в деле внесли и польские эмигранты — отчасти представители Чарторыйских на Востоке — братья Иордан, отчасти М. Чайковский.

Какие же дела привели в Европу Ос. С. Гончарова? Какова была позиция Герцена в вопросе о казачестве до встречи с Гончаровым? Чего ждали друг от друга Гончаров и руководители „Колокола“? Ответим вкратце на эти вопросы.

Гончаров приехал с Дуная на Запад искать защиты у Франции и у европейского общественного мнения для представителей т. н. Белокриницкой (старообрядческой) иерархии, обслуживавших духовные нужды казаков-эмигрантов на Дунае и в Добрудже — епископа Аркадия (Славского) и священника Федора. Во время оккупации российскими войсками Дуная, во время Крымской войны, оба эти лица были арестованы русскими властями и заточены в России в Суздальский монастырь. Был там же заточен и старообрядческий епископ Алимпей.*)

Причина ареста была двоякая. Все три лица эти эмигранты из России, очень недавние. Затем они принадлежали к запрещенной в России старообрядческой иерархии, созданной в Австрии российскими старообрядцами-поповцами, которые не могли на родине создать свой религиозный центр-митрополию, от которой исходило бы посвящение во епископы и иереи (старообрядческие, конечно). Между тем, создание митрополита в Белой Кринице произошло при горячем участии Гончарова и М. Чайковского в 1846 г. Для Гончарова, как старообрядца и казака, было естественно желание покончить с „беглопоповством“, т. е. с духовенством российской православной церкви, перебежавшим к старообрядцам, и создать своих епископов и священников. Цель Чайковского была оторвать казачество от какого бы то ни было возможного влияния на него со стороны официальной русской иерархии.

Старообрядческие послы из России (Павел Белодворский и Олимпий Милородов) прибыли в 1845 г. к Гончарову, который, при помощи Чарторыйских, должен был помочь им найти православного, хотя бы греческого архиерея, согласного перейти в старообрядчество. Такой, после долгой и безуспешной поездки по Востоку, был найден на обратном пути, в Константи-

нополе, при помощи Чайковского. С великой конспиративной привезли этого основателя т. ск. „белоепископской“ иерархии сперва в некрасовские поселения на Дунае, а потом в Австрию. Здесь с разрешения австрийских властей, в Белой Кринице, епископ Амвросий стал митрополитом. Вследствие протеста русского правительства австрийцы сослали Амвросия в Тироль, где он и умер. Но он успел поставить уже епископов и для Австрии, и для Турции (на Дунае), и для России.

Не все дунайские некрасовцы приняли новых епископов. Партия „раздорников“ обвинила Гончарова, что он „дродал их грекам“. „Если греки и болгары забунтуют, — доносили они турецким властям, — то нам нужно с ними воевать против Турок, ибо приняли общую веру“. Утверждали, что Гончаров „под патриарха подписался“, что он — „антихрист“, собирали Круг и грозили Гончарова убить. Его изображали даже сторонником православной церкви и России. Гончаров поплатился 7-ю месяцами тюрьмы, откуда его выручил Чайковский.

Затем Гончаров поехал в Царьград и, как пишет он сам, — „утвердил султанским величеством своих епископов, ни от кого независимых, кроме султана“.*) Эти-то епископы и были арестованы российской оккупационной властью.

По ходатайству Гончарова Порты требовала их обратно, но Россия сослалась на то, что они русские подданные. Казаки не остались без новых епископов, но Гончаров поехал во Францию.

Он считал себя не последним человеком: в записках он отмечает: „в 1854 г., когда Гончаров был в Царь-Граде, приезжал к нему с Франции Мицкевич и князь Чарторыйского меньший сын Владислав и Наполеонов ад’ютант... Когда русских отстранили (с Дуная), из Тульчи ездил к Гончарову французский консул в Сары-Кий“... А когда в 1857 г. ездил во Францию, встретил его в Марсели гр. Замоиский, в Париже был у Чарторыйского, приходили к нему Гагарин, Мартынов,**) П. В. Долгоруков***) „последли и Брианицкий“.

Как мы видим Гончаров пытался использовать связи, заведенные им с „белой“ польской эмиграцией через М. Чайковского. Гончаров был принят министром иностранных дел императорского правительства (Франция) Тувенелем и, притом, без задержек, в то время, как генеральные консулы, прибывшие с Востока, неделями дожидались приема, да так и уезжали во-свояся, не получивши его.

Кельсиев, не мало беседовавший в свое время с Гончаровым, не без юмора — повидимому — правдиво передает беседу Гончарова с министром. Тувенель спросил его: „Ну, а что там в Добрудже и в России все старообрядцы знают об императоре (Наполеоне III-м)?..“

— „Ваше Превосходительство, г. Тувенелий“, — воскликнул Гончаров. „Только на одну Францию мы и полагаемся, только за Его Величество и Бога-то молим. У нас самые махонькие дети знают, кто такой и Наполеон, и его супруга Ивгенья. Энто у нас, Ваше Превосходительство, в каждой хате образа есть, такой обычай у нас, так подле образов-то на одной стороне его патрет, а на другой — ейный“. Сам Кельсиев добавляет: „Все это, разумеется, вранье“, т. е. никаких портретов Наполеона III-го у казаков не было.*)

Затем, как рассказывает о себе в своих записках (в третьем лице) Гончаров, он был „принят Наполео-

*) Су б б о т и н „История белокриницкой иерархии“, 2 т.; Кельсиев в „Арх. Рус. Рев.“, т. XI; Чайковский „Рус. Ст.“ 1898, № 7, с. 441 и сл.; Кудрявцев „Очерк истории старообрядцев“, „Рус. Ст.“ 1883, № 4, 170

**) Русские иезуиты, жившие в Париже.

***) Русский эмигрант.

*) „Арх. Р. Рев.“, XI, с. 267.

*) Заметим тут-же, что Алимпей так и умер в заточении, священник был освобожден в 1871 г., а Аркадий дождался свободы лишь в 1881 году.

ном III-м ласково. И вопрошал его император — как живете в Турции, и о прочем расспрашивал. „Прочее“, пожалуй, было самое интересное, но о нем Гончаров не рассказывал. Всюду, и к министру, и к императору провожали его и служили переводчиками поляки (из „отеля Ламбер“). Чайковский в своих записках говорит даже, что гр. Замоиский представил Гончарова не только Наполеону III, но и королеве английской Виктории. Но последнее не верно: в Лондон поехал Гончаров по-видать с вождем русской политической эмиграции, с Герценом.

О том, как это свидание устроилось, Гончаров и Герцен рассказывают разное. Гончаров пишет, что ему в Париж Герцен и Огарев „бьют депешу, чтобы он прибыл в Лондон, он им отвечает — не поеду. И они вторую бьют — он паки отвечает — не поеду. Они и третью ударили — итак Гончаров принужден был (?) выехать в Лондон“.*)

Герцен описывал это иначе. „Хитрый старик, — писал он, — почуявший смуты и войны, вышел из своей берлоги понюхать воздух и посмотреть, чего откуда можно ждать, т. е. с кем идти и против кого. Не зная ни одного слова, кроме по-русски и по-турецки, он отправился... в Париж... Переговоры (с поляками и французами) ни к чему не привели, и седой казак, качая головой и щуря лукавыми глазами, написал каракульками семнадцатого столетия ко мне письмо, в котором, называя меня графом, спрашивал, может ли приехать к нам“.**)

Мы знаем уже из описания Герцена живописный вид Гончарова, в поддевке, с турецкой звездой. Вот каким он представился Герцену с моральной стороны: „русское себе-на-уме, восточная хитрость, осмотрительность охотника, сдержанность человека, привыкшего с детских лет к полному бесправию и к соседству сильных врагов, долгая жизнь, проведенная в борьбе, в настойчивом труде, опасностях, — все это так и сквозило из-за мнимо простых черт и простых слов седого казака“... „В успех польского дела он уже не верил и говорил о своих парижских переговорах, покачивая головой... Оно точно, (поляки и французы) — люди добрые, да поди вот, когда справятся... с такой Палестиной“ (т. е. с Россией).

Гончарову же хотелось немедленных и реальных результатов для своих казаков и старообрядцев. Ему хотелось разузнать, какие у „Колокола“ связи с российскими старообрядцами и „какие у него опоры в крае“, т. е. в России, „ему хотелось осязать, может ли быть практическая польза в связи старообрядцев (некрасовцев) с русскими радикалами. Нужно сказать, что Гончаров ставил вопрос, как и подобало практическому политику. Его интересовали связи радикалов с казачеством и расколом в России, их реальные силы и шансы на успех. По признанию Герцена: „он и от нас уехал, качая головою“. Однако, завязанная с турецким казачеством связь „Колокола“ не прервалась с отъездом Гончарова.

Пламенный борец за освобождение русского народа, Герцен, был федералистом и другом всех народностей, населявших Российскую Империю. Вместе с Огаревым, он был не только сторонником независимости Польши, самоопределения Украины, но и широчайшей автономии чисто русских областей. В 1862 г. он писал (Н. А. Серно-Соловьевичу): „я, вообще в петербургской суеде не вижу исхода. Тут нет живой жизни, нет построения будущего и нет места для коренного движения... Сближение (с народом) всего меньше возможно на невольской набережной и Марсовом поле, — оно возможно только при реках черноморско-каспийских“†*) Нужно ли говорить, что Герцен говорил о казачьих краях, о Яике, Волге, Тереке, Кубани, Доне, Днепре.

О казачестве как историческом явлении, он высказался довольно подробно в одном из самых первых своих произведений, изданных в Лондоне без цензуры российской власти, в брошюре „Крещеная собствен-

ность“ (1853), направленной против крепостного права.*)

Герцен полагал, что „община спасет русский народ“ и противникам сельской общины указал на „подвижную общину работников — артель и военную общину казаков“. По его мнению, „казачество было отворенная дверь людям, не любящим покоя, ищущим движения, опасности, независимости. Оно соответствовало тому буйному началу молодечества и удали, которое рядом с мирным и добродушным нравом славян составляет их характеристику.

„Общинный дружинник, казак, становился бессменной стражей на крайних пределах отечества и берег его, он не хотел знать никакого правительства кроме своего выборного, лучше становился разбойником, нежели подданным, но родине служил верой и правдой и, не жалея, лил за нее свою кровь. Запорожцы были славянские витязи — мужики, странствующие рыцари простого народа.

„Привычные к войне и дороге, казаки имели те неопределенные влечения, то политическое чутье, те пророческие догадки, которыми отличались норманы. Горсть казаков завоевала Сибирь, Ермак не остановился на Тобольске, он добрался до Иркутска (?) и там сложил свою буйную голову. Другой казак после него, с своей небольшой дружиной, пробился сквозь льды и степи до морского берега, как будто что-то непреодолимое тянуло их к Тихому океану, к этому Средиземному морю будущего; как будто они провидели всю важность поставить Русь лицом к лицу с Северо-Американскими Штатами.

Надобно было все жалкое непонимание немецкого правительства, чтобы не оценить такого учреждения, как казачество. Не даром казаки возражали Богдану Хмельницкому, что вольным людям нельзя вступать в подданство Москве. Петр I обрадовался измене Мазепы и принялся притеснять Малороссию, вопреки всем договорам... Несмотря на это казаки явились в 1812 году тем же отважным лихим войском, каким были прежде. Они вносили в регулярную армию поэтический и народный элемент. Без строя и выправки, с пикой и бородой, на маленьких лошадях с длинной гривой, они рассыпались, исчезали, нападали со страшной дерзостью и ускользали с восточной уклончивостью. Они всего больше остались в памяти неприятеля.

Николай (первый), верный своей мертвящей мысли однообразия, безличия, сближает их более с военными поселениями. Он разрушил их демократическое устройство, „облагораживая“ их есаулов, прежде возвращавшихся снова в ряды простых казаков. Он отнял у них даже их песни, подвергнув их какой-то цензуре“...**)

В английских статьях на ту же тему Герцен говорил подробно: „Являясь неумолимою стражею наиболее опасных границ страны, казачество образовало в этих передовых постах республиканские и демократические общины, сохранившиеся еще к началу XVII-го столетия, и они имели блестящую историю“...***) Разумеется, пояснял здесь же Герцен, такое учреждение, как казачество „едва ли могло быть совместимо с военным укладом русского правительства, но последнее неспособно додуматься ни до чего более разумного, как до насильственного устройства нелепых военных поселений, и, конечно не могло допустить развития древнего, глубоко популярного учреждения, как казачество“...*)

Порицая политику императорской России, направленной к постепенному уничтожению казачества Герцен признавался, однако, что „само собою разумеется ни в коммунизме деревень, ни в казацких республиках“ он не мог бы найти удовлетворения стоим стремлениям... „В этих учреждениях все было в зародыше. Личная свобода то и дело приносилась в жертву патриархальному быту и демократическому братству“.**)

(Окончание следует).

*) Те же мысли Герцен изложил в ряде статей в английской газете „The Leader“ в конце 1852 года. См. Герцен „Собр. соч.“, т. VII, с. 263 и 339.

***) „Крещеная собственность“. „Собр. соч.“, т. VII, с. 277-279.

****) „Собр. соч.“, т. VII, с. 372-373.

*) Т. VII с. 373.

***) С. с. т. VII, с. 279 и 373.

*) „Р. Ст.“, 1883, № 4, с. 188.

***) Герцен „Собр. соч.“, т. XIV, с. 407-8.

†*) Лондон, 8-20 июня 1862. Лемке „Полит. процессы“, СПб. 1907, с. 204-205.

Т. Стариков.

В. А. Харламову.

Бывший председатель Донского Войскового Круга В. А. Харламов выступил против казачьего освободительного движения. В газете „Последние Новости“ от 6 декабря, в № 4276, помещена его статья под названием „Казачий сепаратизм“. В этой статье автор доказывает, что для создания казачьего государства нет исторических оснований и что русская власть не могла и не может этого допустить, потому что на казачьих землях есть уголь и нефть, которые нужны русскому народу.

Я обращаю внимание читателей на первое положение автора.

В. А. Харламов говорит: „Разумеется, авторы этого проекта (создание Казаккии) понимали, что одного их желания недостаточно. Нужно как то этот грандиозный проект обосновать, подвести под него фундамент в виде особой идеологии“. „И вот редакция „В. К.“ делает величайшее научное открытие: оказывается, казачество представляет отдельный славянский народ, наряду с другими славянскими народами — Великороссами, Украинцами, Белоруссами... Нашелся... новоявленный ученый ген. И. Быкадоров, который... открыл казачью нацию, наградив ее особыми предками — бродниками... Это научное открытие нужно было вольным казакам для того, чтобы потребовать для любой (?) казачьей нации, на основании принципа самоопределения народов, особого казачьего государства“.

Прежде всего нужно заметить, что вольные казаки работают над казачьей историей не только для того, чтобы на основании ее данных „требовать“ для казаков самостоятельного государства. Главная цель такой работы — рассказать казакам свое прошлое, героическое, славное прошлое, рассказать о том, кто мы, откуда взялись, как складывалась наша жизнь, что наши предки положили в основу своего существования, за что и как боролись и т. д., рассказать казакам историческую правду, дабы они знали самих себя.

Для В. А. Харламова особенно нестерпима мысль, что казаки представляют из себя нечто отдельное от великорусского народа. Для него казаки — русские люди, бежавшие в свое время из Московского государства, от тамошнего гнета и произвола.

Он соглашается с тем, что казаки правы, когда на вопрос: „Вы русский?“ отвечают: „Нет, я казак“. „Но“, говорит он, „делать из этого явления вывод, что казаки особый народ, так же невозможно, как нельзя, скажем, русских дворян назвать особой нацией.“

В. А. Харламов, очевидно, мог бы еще мириться с тем, что казаки являются особым сословием, вроде дворянского, но уж никак не народом. Сословием называли казаков и некоторые русские историки и петербургская власть. Для последней казаки были сословием военным.

Но по мнению многих русских историков основание казачеству положили беглые из Московского государства. Некоторые из них утверждали это по особым побуждениям, ничего общего не имеющим с историей. На этой мысли сходились люди разных политических воззрений.

Так, например, Быкадоров (однофамилец И. Быкадорова), написавший в свое время историю Донского Казачества под именем „Былое Дона“, утверждал, что русский народ бежал на Дон и основал здесь Донское Казачество, но бежал он не от гнета, не от произвола, как думает В. А. Харламов, а для того, чтобы наилучшим образом служить царю Московскому. Эта работа выдвинула автора из обычной офицерской среды и дала ему возможность хорошо устроиться.

Русский историк Соловьев считает, что казаки являются колонизаторами свободных земель или даже только проводниками колонизации. Русские люди шли на свободные, никем не занятые земли, закреплялись на них и называли себя казаками, а за ними уже шла волна русского земледельческого народа и, под охраной казаков, обрабатывала землю.

Большевики создали свою теорию о происхождении

казаков. Один из их историков, г. Янчевский, написал книгу „Разрушение легенды о казачестве“. Книга эта является выводами из другой работы автора „Аграрный вопрос на Дону“.

Автор получил задание разрушить представление о казаках, как о чем то самобытном. Он утверждает, что очень спешил и поэтому не делал никаких ссылок на источники своей работы. Сам он говорит в предисловии: „Настоящее популярное изложение предназначено для широких масс, интересующихся вопросами краеведения и учащихся“.

По той небрежности и отсутствию доказательств, с какими написана книга, видно, что автор действительно спешил написать свою работу в какой то поставленный срок. Написана она главным образом для учащихся — несомненно для казачьих детей. Ибо для них то и нужно было „разрушить легенду о казачестве“, им то и нужно было доказать, что казаки не есть казаки, а что они потомки бежавших на никем не занятый Дон русских рабочих. Чтобы это было ясно, он приводит сведения о том, что в некоторых станицах рабочих и работников было больше, чем самих казаков (ссылка на источники и здесь нет).

Но автор, между прочим, делает ценнейшее признание. Он говорит: „Историческая наука отражает идеологию господствующих классов“. Это признание разрушает все, что говорил автор в книге, ибо свою теорию без всяких ссылок на источники, он построил исключительно, как взгляд на казаков господствующего ныне в России класса или вернее партии большевиков. Во всяком случае, такой взгляд на казаков большевикам надо создать и они его создают.

Итак, историк Соловьев говорит, что казаки — русские колонизаторы или проводники колонизации, Быкадоров (старый), что они ушли на Дон, чтобы лучше служить царю, В. А. Харламов, что они бежали от рабства и неволи, Янчевский, что — основу Донского казачества составили русские рабочие люди.

Но все эти утверждения, покоясь на различных основаниях, на различных предпосылках, написанные по различным побуждениям, преследуют одну и ту же цель — доказать, что казаки русские люди. В этом их единство и близость.

Но эти доказательства не имеют для нас, казаков, никакого значения, ибо они отражают идеологию господствующих правителей. Придет к власти в России какая нибудь новая партия и непременно создаст свой взгляд на казаков, выведет свою теорию об их происхождении.

Нам же нужны такие труды, которые бы правдиво освещали историю Казачества, без всяких намеренно искаженных толкований.

В. А. Харламов особо подчеркнул, что Быкадоров открыл казачью нацию и наградив ее особыми предками — бродниками“. Это кажется ему смешным, наивным, предвзятым.

Но посмотрим, как на этот именно вопрос смотрят другие авторы.

Известно, что на Дону с древнейших времен жили славянорусские племена, потомки которых почти на целое столетие раньше прихода татар назывались в русских летописях бродниками. По этому поводу исследователь южных народов (Печенегов, Торков, Половцев) Голубовский говорит: „Бродники есть община, выработавшаяся из остатков Подонского населения... это прототип казачества“.

Ф. Морозкин в „Исследовании о Руссах и Славянах“ пишет, что „надобно читать „Бродник“ (а не бродник), а понимать под сим названием казака“.

И. Житецкий в „Смене народностей в южной России“ относит к бродникам и тех казаков, которые в 1282 г. основали г. Черкасы на Днепре“ (стр. 434).

Проф. Голубовский в указанном выше труде, говоря о национальной терпимости Запорожских и Донских

казаков, утверждает, что эта терпимость „есть традиция глубокой древности“, что она была присуща „организаторам казачества бродникам и берладникам, в общину которых вошли Торские и другие элементы“ (стр. 710).

Я нарочно привел выдержки указанных исследователей, чтобы показать, что не И. Быкадоров, которого г. Харламов иронически называет новоявленным ученым, „наградил казаков особыми предками — бродниками“, а другие исследователи южных народов. Быкадоров только повторил их утверждения.

В. А. Харламов, как историк не может не знать, приведенных выше работ, и, однако, „смеется“ только над Быкадоровым. Происходит это потому, что ему нужно выставить вольно-казачье движение в смешном виде и умолчать о тех источниках, которые ведут казаков не от беглых, как ему хочется, а от древнейших Подонских славян. Такой взгляд противоречил бы политическим устремлениям той русской политической партии, к которой он принадлежит.

Еще интереснее рассуждение В. А. Харламова о провозглашении Доном своей независимости в 1917—18 годах. Он говорит: „И казаками всем русским людям был ясен и понятен смысл этой казачьей самостоятельности“.

Почему же, спрашивается, смысл казачьей независимости был понятен тогда и почему Харламов так решительно осуждает его теперь?

Но что замечательно, так это то, что В. А. Харламов был председателем того Донского Войскового Круга, который в 1918 г. принял конституцию, объявлявшую Дон независимым государством. Никаких „впредь до“ в этой конституции не стояло. Признание Дона самостоятельным государством было определено в решительных и ясных выражениях, не подлежащих никакому иному толкованию. А вот теперь он же от этой независимости категорически отказывается.

Почему же это произошло? На этот вопрос может быть только два ответа. Или В. А. Харламов изменил свой взгляд на самостоятельность казачьего государства, или он тогда обманывал казаков, оставаясь и в то время верным идеологии своей партии.

Вот в этом то и заключалось глубокое несчастье для казаков. Чтобы поднять их настроение, чтобы повести в бой с большевиками, им многое обещали и даже свое собственное государство. И казаки шли и клали свои головы. Чтобы не было шатаний, их даже приводили к присяге на верность Донскому государству. В действительности же те, кто все это делал, думали о службе своим политическим партиям или своим единомышленникам.

Если же В. А. Харламов изменил свой взгляд на казачью независимость, то об этом ему нужно сказать прямо...

Но что собственно произошло со времени нашей вооруженной борьбы с большевиками и, главное, что изменилось? Разве мы, казачья эмиграция, не находимся на положении борьбы с коммунистической властью? Или может быть такую борьбу вести не надо? Может быть там, в родных наших краях, положение настолько блестяще, казаки так благоденствуют, что бороться за их лучшую долю нет нужды? Может быть там нет никакой тирании, нет чудовищного издевательства над казачьим населением, над всем для него святым? Нет физического истребления казаков?

Нет, все это есть. Положение не только прежнее, но оно катастрофически ухудшается.

Так в чем же тогда дело?

Почему смысл казачьей самостоятельности по мнению В. А. Харламова был „понятен и ясен“ не только „казакам“, но и русским людям?

Но был ли бы понятен и ясен смысл, если бы объявила себя самостоятельным государством какая-нибудь российская губерния, скажем, Воронежская, Курская, Пензенская и пр. или нет? Надо полагать, что объявление самостоятельным государством каждой из этих губерний было бы смешно и нелепо, ибо никаких абсолютно данных для этого у них не было и быть не может. Тогда для Дон для объявления своей независимости

имел глубокое историческое и моральное основание. Он всего двести лет назад имел свою самостоятельность и был покорен силой русского оружия Казаки даже с точки зрения великороссов (не доктринеров) совершенно отдельные люди. Они имеют свою историю, свою психологию, свой быт, свои нравы. Издревле в основу своей жизни они положили самое совершенное народовластие, издревле они были свободными людьми, не знавшими ни произвола, ни рабства. Вот почему они восстали против тирании большевиков, вот почему они объявили Дон самостоятельным. И это никого не удивило. Это было настолько естественно, что даже „русским людям“ такой акт был „ясен и понятен“.

Что Дон был самостоятельным государством, признают даже русские официальные составители истории Казачества, напечатанной в четырех книгах многотомного труда „Столетие Военного Министерства“. Они называют Донских, Терских, Яицких и Волжских казаков „вольными казаками“, жившими независимой жизнью. Проф. Сватиков в своем труде „Россия и Дон“ утверждает на основании исторических данных, что Дон был самостоятельным государством. Вот почему возвращение казаков к самостоятельности было понятно. Они взяли только то, что у них в свое время было отнято...

Особенно неприятно для В. А. Харламова то, что казаки самостийники называют Казачество нацией.

Ответ на вопрос, что такое нация еще не заключен в какую-нибудь определенную общепризнанную формулу. На этот вопрос разные ученые и в разное время давали различные ответы.

П. Н. Миллюков в своем „Национальном вопросе“ пишет: „Но вот определение Манчини, сформулированное в его знаменитом введении в курс лекций 22 января 1851 г.: „нация есть натуральное общество людей, при единстве территории, происхождения, обычаев, языка, приспособленного к жизненному общению...“ (стр. 78).

Из этой выдержки, сделанной вождем кадетской партии, видно, что вольные казаки не так уж далеки от истины, утверждая, что Казачество есть нация. Ведь в самом деле, что недостает казакам, чтобы называться нацией?

Нация есть натуральное общество людей, говорит П. Манчини. А разве Казачество не есть общество? Разве оно не оформилось с древнейших времен в нечто самобытное, не построило для себя свои собственные законы, разве оно не оказалось устойчивым, не выдержало суровые бури и натиски разных народов и не сохранило себя до сих пор? Разве оно не спаяно морально, разве оно не имеет собственной территории, занятой им много веков назад и много же веков отставивший ее с оружием в руках?

Но в том же труде П. Н. Миллюков приводит и другое определение нации, какое дал Дюркгейм в 1915 г. т. е. спустя 64 г. после определения Манчини: „Национальность есть человеческая группа, члены которой по основаниям этническим или просто историческим хотят жить под одними и теми же законами, образовать одно государство.“

Итак, для того, чтобы называться национальностью, нужно, чтобы какая-то человеческая группа по основаниям этническим или историческим, хотела бы создать для себя свои законы и образовать свое государство. А разве казаки возродили свои государства в 1917 и 1918 гг. не по основаниям историческим и разве они не создали для себя свои собственные равные для всех законы, и разве это не человеческая группа, отдельная самобытная? Мало этого, она имела и в прошлом свои собственные государства..

Но тот же Дюркгейм говорит дальше: „Среди цивилизованных наций теперь является принципом, что эта общая воля (к самостоятельности), когда она утверждается с настойчивостью, имеет право на уважение, и даже, что она есть единственная прочная основа государств“ (стр. 79).

А разве казаки не боролись за свою государственность в продолжении веков, не отстаивали ее с оружием в руках от турок, татар и Московской власти

и разве они при первой же возможности не об'явили Дон, Кубань и т. д. самостоятельными государствами и не боролись за них в продолжении трех ужасных лет? Боролись и уступили только благодаря колоссальному превосходству сил противника.

А разве идея о самостоятельном казачьем государстве умерла теперь, разве она не ширится, не углубляется, не захватывает все больший и больший круг людей? И разве там истерзанные, измученные казаки не видят в этом единственную возможность спасения?

Казаки настойчиво защищали свою самостоятельность и будут защищать, ибо иного выхода и иного пути у них нет. А уже в этой одной настойчивости, по мнению Дюркгейма есть право на самостоятельность. При чем, автор видит в ней единственную прочную основу для государства. История знает большое число империй, распавшихся от того, что входившие в них народы не хотели дальше жить под одними и теми же законами. И ничто не спасало эти империи от развала.

Но допустим, что Казачество не является нацией, что но не отдельная ветвь славянского племени на востоке Европы; допустим, что казаки только колонизаторы, как думают Соловьев и Янчевский, и беглые, как думает В. А. Харламов, допустим (по Быкадорову старшему), что это общество людей или даже сословие...

Допустим, что все это так.

Но вот теперь в силу сложившихся обстоятельств,

в силу различных исторических и экономических причин Казачество желает жить самостоятельной жизнью. Оно просто спасает себя от гибели. Так что же, оно не имеет на то права? Донской казак и председатель Донского В. Круга говорит, что не имеет.

Если так рассуждать, как Харламов, то американцы Сев. Ам. Штатов и подавно не имели права на самостоятельность. Ведь они были действительно англичанами, английскими колонизаторами, не имели тогда никакой своей истории, никаких своих собственных обычаев, нравов, быта (отличных от английских), никто и ничто не угрожал их существованию, никто не истреблял их, никакой тирании над ними не было. И однако они создали свое государство. И никому не кажется теперь это не нормальным, никто не считает это больше изменой или преступлением. Испанские и португальские колонизаторы в южной Америке создали свои государства и никто не оспаривает сейчас у них права на самостоятельность. А Швейцарцы, Бельгийцы, Австрийцы, разве они не французы, не немцы? — и тем не менее они создали свои собственные государства. И разве сегодня ктонибудь оспаривает у них это право?

Но вот нашлись казаки, и в том числе председатель Донского Круга, которые по различным причинам, иногда личного, иногда партийного характера, оспаривают это право у истребляемых и бичуемых ныне казачков.

Не измена ли это Казачеству?

М. Тростянский.

Боевой профессор и литературный генерал.

Сидит под балдахином
Китаец Дзу-Кин-Сын
И молвит мандаринам:
Я главный мандарин.

Туристам, побывавшим в Неаполе, отлично знакома знаменитая пещера Сивиллы, где Эней вопрошал Феба о судьбе своих потомков, и в которой услужливый гид объяснял им махинацию, при помощи которой жрецы заставляли бога отвечать на вопросы верующих через посредство таинственной Сивиллы.

В то время, как главный жрец принимал от предстоящих задаваемые Фебу вопросы, его помощник, забравшись по потайной лесенке на вершину купола пещеры, кричал ответ в отверстие особой формы, усиливающее звук, и тогда, как говорит поэт:

Раздавался ужасный голос Сивиллы...
возвещавший повергнутым в ужас просителям волю богов.

Этот маленький пример наивной хитрости жрецов всегда приходит нам на память, когда на страницах „Последних Новостей“ появляются неожиданные и громоздкие вещания генерала Деникина.

Хотя святилище, в котором творится этот гибкий орган всероссийской демократической мысли, и мало чем похоже на таинственную пещеру премудрой Сивиллы, но от этого сходство не делается менее разительным.

И действительно, в то время, как профессор Миллюков, в качестве главного жреца, воздевши очи горе, очевидно, погружен в молитвы о воссоединении России, ловкая рука его дергает за веревочку и из глубины парижского предместья

Раздается ужасный голос Сивиллы...
сиречь генерала Деникина.

Тут нужно отдать справедливость современному Калхасу, что он дергает за веревочку не так часто, как это практиковал его древне-исторический коллега, и что делает он это всегда только по случаю вопросов первостепенной важности, а в особенности таких, в которых его ультра-демократическое прошлое является несколько стесняющим обстоятельством и где ему гораздо удобнее воспользоваться услугами безработ-

ного генерала, реноме которого по части национального ущемления такое „безукоризненное“.

А бывает это всякий раз тогда, когда дело идет о каком либо действительном или воображаемом покушении на целостность „так называемой“ российской территории.

Пусть читатели не удивляются такому малоупотребительному в приложении к территории термину, как „так называемый“, но что ж поделаешь, когда практически границы современной нам Империи Российской (как бы она не называлась в действительности) действительно так растяжимы...

В самом деле, в то время, как для графа Бобринского границы эти простираются от Владивостока до Кракова (был намек даже на Адриатику), ген. Деникин готов великодушно временно исключить из них Польшу, проф. Миллюков сегодня согласен уступить даже Прибалтику, а Сталин — так тот смотрит на всю Европу, как на свою вотчину,

Кто же в таком случае является „главным мандарином“ и с кем тут приходится говорить?

Да и по времени политического года границы этой Империи меняются весьма существенно. Кто из нас не помнит того героического времени, когда проф. Миллюков требовал ни более и ни менее как Константинополь и проливов? Через год он был уже готов оставить турок в покое и даже отказаться за одно от всех „новообразований“, а сейчас на наших глазах он рекламирует на страницах своего органа отставного генерала, собирающегося в свое время разрешить „польский вопрос“ и втолковать непонятливым полякам, что независимость не только им не нужна, но даже вредна.

Из вышеизложенного ясно, что оборона таких каучуково-растяжимых сухопутно-морских границ дело весьма не легкое и поэтому нет ничего удивительного, что к ней привлекаются генералы, которые за неимением армии, которая в свое время попросила их удалиться, и артиллерии, которая вследствие их стратегии попала в руки неприятеля, вытаскивают из жилетного кармана стило Ватерман и...

Раздается ужасный голос Сивиллы...

Блаженной памяти известный всероссийский деятель Павел Иванович Чичиков собирался было, в свое время, написать книгу о „генералах вообще“, но к сожалению так и не написал, а поэтому многое в гене-

ральском мышлении остается загадочным для людей, не украшенных красными лапсами.

Действительно, журналисту в однотонных брюках или даже в брюках в полоску приходится в доказательство своей тезы приводить всевозможные аргументы и цитаты, в то время как для литературного генерала все это совершенно излишне.

Он просто цитирует все аргументы своего противника, а затем хладнокровно прибавляет „и тому подобный вздор“ (см. „ПН“ № 4277), вследствие чего оппонент неизменно ложится на обе лопатки, а генерал торжествует. Как жаль, что этот простой и дешевый способ генерал Деникин не догадался в свое время применить в войне с большевиками!

Здесь нам позволено будет спросить, что же это за профессор-собираатель земли русской, который представляет в одном лице Ивана Калиту, Петра Первого и Екатерину II (последнюю, конечно, в смысле ее государственных качеств), и что это за генерал, который одним ударом Ватермана завоевывает больше земель, чем Суворов, Румянцев и Ермолов вместе взятые? Имеют ли эти персонажи какое либо право говорить от имени России и стоит ли их вообще слушать?

Профессор Милоков — это знаменитый ученый, профессор историй российских и доктор иностранных университетов, который является блестящим подтверждением народной поговорки, гласящей, что „сапожник всегда без сапог ходит“, так как уроки истории, которую он преподает другим, для него совершенно не обязательны.

До „Великой Российской“ его научные исследования были специально направлены на уличение Романовых в империализме и в угнетении народов, но как только он занял их место, то его собственные аппетиты оказались такими, что Петр I был бы по сравнению с ним совершенным мальчишкой.

Я тут не собираюсь, конечно, воспроизводить* полностью поучительную биографию проф. Милокова, а позволю себе остановиться на одном лишь ее моменте, моменте мало известном, но имеющем непосредственное отношение к настоящему изложению.

В бытность проф. Милокова Министром Иностранных Дел Империи Российской (без Императора) явилась в Петербург делегация Украинской Центральной Рады, тогда еще далекой от мысли о самостоятельности, подавшая скромную петицию о некотором самоуправлении, о разрешении национальной школы и о тому подобных сегодня „смешных“ вещах.

Требования эти были настолько скромны даже по тем временам, что большинство кабинета готово было пойти им навстречу, но в проф. Милокове неожиданно заговорила кровь Иоанна Грозного и на него снизошел дух Петра Столыпина.

„Прежде успокоение, а потом реформы“, заявил он твердо и, не получив удовлетворения, он вызывает кризис кабинета, уводит с собою всех министров кадетов и этим расчищает путь для Керенского, для Керенщины и для всей последующей кувырколлегии, которая в конечном счете привела Ленина в Кремль, а проф. Милокова на рю Тюрбиго, откуда он, впрочем, немедленно занялся собиранием земли русской...

А причина того удивительного и непонятного на первый взгляд поведения этого высокообразованного ученого проста. Как это ни странно, но он... полностью разделяет вопиющее невежество современной ему русской интеллигенции в национальных вопросах, лучшие представители которой знали по имени и отчеству всех убийц Александра II и могли на память перечислить всех карбонариев, сидевших в австрийских тюрьмах, но не имели ни малейшего понятия о существовании грузинской литературы, были искренно убеждены, что Украина отличается от Великодержавии только гопаком и галушками, а казаки — беглые русские холопы...

Для подтверждения этого парадоксального факта достаточно бросить взгляд на русскую литературу, современную проф. Милокову, для которой и польский вопрос был не существующим и которая все свое отношение к украинскому выразила единственно знаменитым тургеневским „Грае грае воропае“.

Поэтому, если Пушкин, поднимая большие вопросы русского великодержавия, восклицал с сомнением:

„Кому достанется Вольнь?
„За кем наследие Богдана?

то для проф. Милокова и ген. Деникина нет ни малейших сомнений в том, что наследие не только Богдана, но и Ермака и Тамерлана, и Тамары Грузинской, и Тевтонских Рыцарей, и Молдавских Господарей, и Польских Королей, и прочая, и прочая принадлежит никому иному, как оным Милокову и Деникину по праву рождения, а кто думает иначе, тот в свое время будет повешен, а пока что, за неимением виселицы, обрызган чернилами из генеральского Ватермана.

Познакомившись с профессором, нам не лишне познакомиться и с генералом, который, вместо картечи, брызгает на врагов чернилами, и спросим словами поэта:

„Кто был он? венцами какими
„Свое он украсил чело?

При ближайшем рассмотрении оказывается, что не только никакими венцами, а как раз наоборот.

Оказывается, что это тот самый генерал Деникин, который, пользуясь моральной и материальной поддержкой почти целой Европы, стоя во главе могущественной армии и находясь уже в центре собственной своей страны, проиграл уже выигранную войну посредственному журналисту и профессиональному агитатору Троцкому-Бронштейну и проиграл ее только потому, что начал вешать своих союзников на пол года раньше, чем этого требовали традиции московской политики.

А так как нежелание быть повешенным является отличительной национальной чертой всех „инородцев“ вообще, а казаков и украинцев в частности, то ничего удивительного, что войска генерала Деникина, состоявшие на девять десятых из казаков, не были восхищены подобным обращением и в результате незадачливый „Вождь“, оставленный собственными генералами (случай единственный в истории регулярных армий) очутился в парижском предместьи, где и занялся писанием бесконечных томов, имеющих главной целью „квивать на Петра“.

Эти несколько строк из бурной биографии ген. Деникина кажется достаточны для того, чтобы предмет ее мог пожелать, чтоб имя его как можно скорее „поросло травой забвенья“. Но бравый генерал на этот счет иного мнения.

Стоя перед судом истории, он не понимает, что он осужден с позором и бесповоротно, и как неумирающий прототип его, унтер Пришибеев, вытягивает руки по швам и гаркает по старой привычке:

Смирна! Глаза направа!..

Действительно, бывают деятели и деятели. Ведь был же на наших глазах Клемансо, Отец Победы, который силою своей воли и своего гения выиграл величайшую в мировой истории войну и который, испытав неблагодарность политической клики, ушел навсегда не только от политики, но и от мира... А есть и такие, которых без церемонии выбрасывают в двери, они, потирая ушибленное невежливым сапогом место, лезут в окно.

Но о вкусах не спорят и весьма возможно, что некоторым вождям путь через окно кажется триумфальной аркой...

Нас удивляет не это отсутствие у столь высокопоставленных особ некоторых центров, присущих каждому среднему обывателю, а нас искренно поражает и ставит в полное недоумение то обстоятельство, что вышеуказанные военно-штатские писатели в своих литературных упражнениях по национальным вопросам, при каждом удобном и неудобном случае подчеркивают, как вопиющее и неслыханное дело, что освободительное движение народов бывш. России поддерживается морально и материально некоторыми иностранными государствами.

Здесь мы попросим прощения у проф. Милокова за маленький плагиат и перефразируем его крылатое изречение, которое он некогда с высоты думской трибуны бросил прямо в лицо Императорскому Русскому Правительству и спросим:

Что это: глупость или нахальство?

Неужели же эти господа думают, что кто нибудь воображает, что Деникин вел войну с большевиками на доходы со своего пензенского имени, а Милюков собирал съезды, основывал огромные газеты, издавал книги и носился из конца в конец по всему миру на проценты с его вкладов в пенсионную кассу московского университета?

Ведь и воробьи на крышах знают, что там были и миллионы и миллиарды, с одной стороны, и обещания и договоры — с другой, и что все это вылетело в грубу только благодаря бездарности руководителей, а главным образом благодаря национальной политике Милюковых и Деникиных... И когда „Последние Новости“ кивают на „Вольное Казачество“, а Деникин на Петлюру и так как обоих инсинуаторов в глупости заподозрить нельзя, то ответ на вышезаданный вопрос напрашивается сам собой.

Мы можем к этому только добавить что, по нашему искреннему убеждению, если бы сепаратисты получили в свое время от иностранцев хоть одну десятую той моральной и одну сотую материальной поддержки, каковые имели гг. Деникин, Милюков и иже с ними, то было бы много шансов за то, что вышеупомянутые граждане занимались бы ныне своими литературными упражнениями не в Париже, а в Петрограде или Москве, хотя бы и ездили за границу в Киев.

Продолжив рассуждение на ту же тему, мы не сможем, конечно, упрекать ген. Деникина в том, что некоторая узость специального военного образования не позволяет ему свободно отличать черное от белого, но мы не можем удержаться от соблазна посоветовать проф. Милюкову заглядывать хоть изредка в собрание собственных своих исторических произведений и пробегать там дышащие талантом и восхищением странички, описывающие освобождение от чужеземного ига различных народов. Пусть он там поищет, кстати, хоть один народ, который бы с гордостью отверг протянутую ему руку помощи кого либо из соседей и принципиально боролся с угнетателями собственными силами, и пусть сообщит нам его имя.

Мы не собираемся, конечно, давать профессору истории уроки истории да еще по его собственным учебникам, но мы не можем не отметить удивительного факта, что доктор кембриджского университета,

принадлежащий к элите ученого мира, является у себя дома горячим проповедником морали, вульгарно называемой зулусской, теория которой выражается в следующих словах:

Добро — это то, что для меня добро.

Зло — это то, что для меня зло.

Исходя из этого мудрого правила, проф. Милюков считает, что освобождение Ирландии это добро, так как оно соответствует его демократическим идеалам: а освобождение Грузии это зло, так как оно отнимает у его изданий известное количество читателей.

Согласно той же доктрине он считает, что занятие большевиками Монголии, с целью ввести там коммунизм, это добро, а занятие японцами Манджурии, с целью уничтожить там коммунизм, это зло. Об Украине и казаках нечего, конечно, и говорить, а когда дело доходит до Польши и Финляндии, то тут хитрый профессор дергает за веревочку и... Раздается ужасный голос Сивиллы.

Здесь я попрошу прощения у снисходительного читателя, так как мне самому кажется, что вещания ген. Деникина, даже усовершенствованным рупором „Последних Новостей“, не так походят на голос таинственной пророчицы древности, как на голос другого общеизвестного персонажа более близкого нам по эпохе, а именно нашего старого знакомого... всероссийского Петрушки.

Кто из нас читатели не помнит ветхой засаленной ширмы, из-за которой выскакивали различные персонажи и по воле „некоего“, скрытого в глубине, выкрикивали на разные голоса давно известные заученные тирады к великому удовольствию глазающих мальчишек!..

Но честный российский Петрушка, укукошив положенное ему по пьесе количество людей, и проделав ряд других не менее блестящих подвигов чувствовал, наконец, угрызение совести и, при виде косматого черта, исчезал за засаленной ситцевой занавеской с отчаянным криком: Пропал же я, пропал... Тогда как Петрушки заграничные, не понимая, что пьеса давно кончилась и что пора идти на покой, продолжают болтаться на веревочках и, страшно выпучив деревянные глаза, возглашают:

Смирна! Руки по швам!..

С. Савельев.

На разные темы.

1. „Параллели“.

„Там“ в конце ноября русские красные устроили кровавую баню казакам...

Здесь, в эмиграции, в начале декабря, русские белые начали бешенную травлю против идейной и активной части казачьей эмиграции — Вольного Казачества...

Сам ген. Деникин требует беспощадной борьбы с самостийниками, трубит и кричит „зашевелилось и Вольное Казачество“! Ату их! Травите, понесите!

На его „грозный“ клич послушно отозвались его верные — Богаевский и Мельников...

„Сам“ Милюков выступил с защитой... большевиков, убеждая не при всяких обстоятельствах бороться с ними, ибо „поражение большевиков будет поражением России“, призывает своих политических единомышленников травить и поносить активных анти-большевиков. Тем временем я, Милюков, займись, мол, „проведением некоторых нитей от нас туда“.

На его призыв услужливо откликнулся его верный слуга из казаков, Василий Харламов, теперь на страницах газеты Милюкова надрывающийся от потуги в ложке воды утопить все ВК...

Так, каждый русский барин, будь то генерал от армии или от политики, на всякий случай имеет под рукой верного слугу — „казачишку“, для службы и ролей посыльных и Казачество поносительных...

Там красные русские уже расправляются с казаками; здесь белые русские готовят почву для будущей расправы. И совершившийся там факт и начавшаяся здесь „подготовка“ по времени совпадают...

В голове рождается мысль — уж не имеют ли связи эти события. не есть ли это выполнением единого бело-красного русского плана по части окончательной ликвидации многострадального Казачества?

Не хочется этого допустить; но подобная „связь“ так возможна... Если нет формальной связи между ними, то, так сказать по сути дела, связь духовная, конечно, есть...

2. Казачий атаман, продающийся с молотка.

Донской Атаман ген. Богаевский 12 прошлого декабря разослал циркулярное письмо „верным казакам“, в котором просит их собрать и прислать ему 12 тыс. франков, необходимых, „не говоря уже о личной и семейной беде“ Богаевского, на выручку его, как Атамана. Письмо это попало и ко мне. И какой же это интересный „человеческий документ“! Чего, чего в нем только нет! Если бы обладать писательским даром, то на основании одного этого письма можно было бы написать целый сатирический роман. К сожалению я таким даром не обладаю, а потому приходится ограничиться только констатированием некоторых интересных пунктов из этого письма.

Прежде всего, его признание в том, что когда „ровно 13 лет тому назад мы покинули территорию Донского Войска, у нас были средства. „Средства значительные“, подчеркивает он. Но теперь — „все Донские средства кончились“. Это обстоятельство его ничуть не огорчает, но наоборот, он горд сознанием своего исполненного долга, ибо мы, Богаевский и Мельников, „11 лет продержались на них“. Какая, подумаешь, заслуга!

„Средства кончились, повествует он дальше, но работу центра (?) нужно было во чтобы то ни стало сохранить и продолжить“, а потому „мы приняли участие в коммерческих предприятиях (столовые и магазин), в надежде, что доходы от них дадут возможность Донской организации (т. е. самому Богаевскому с Мельниковым. С. С.) продолжать свою общественную работу (т. е. безбедную их личную жизнь. С. С.)“.

Значит, так и запишем, что „у нас средства были. Средства значительные“. А на что и как эти средства тратились — стоит ли говорить, ибо это дело уже прошлое, дело рук Богаевского и Мельникова.

Тот перечень расходов, какой приводит Богаевский в своем „циркуляре“, по меньшей мере заслуживает критического к себе отношения, ибо никто кроме Богаевского и Мельникова, не знает сути этих расходов, никогда и никто их не контролировал.

Ведь всем известно, что своя рука владыка. На бумаге можно выводить какую угодно отчетность. Как на яркий пример, доказывающий „правдивость“ атаманского отчета, полк Балабин в своем докладе в Париже привел такой случай: в атаманском отчете было напечатано, что казаку Ванькину в Южине выдано 50 фр., тогда как этот самый казак ни одного франка не получал. А сколько таких „мертвых“ Ванькиных в атаманском отчете — известно только одному Мельникову!

Значительное место в атаманском „отчете“ занимают расходы на издание книг, газет и журналов (списки их он приводит). Из всего этого перечня можно признать целесообразным только расходы на издание четырех книг (три тома Донской Летописи и „Россия и Дон“ Сватикова). А всю остальную бумажную макулатуру, именуемую Богаевским газетами и журналами, с огромной пользой для Казачества можно было бы совсем не печатать! К тому же все эти газеты и журналы, издававшиеся Мельниковым, являлись органами „Казачьего Союза“, объединявшего в своем составе „160 организаций“. Так неужели эти 160 организаций не в состоянии были оплачивать выпуск какогонибудь худосочного листка? Ведь для этого достаточно было бы по 5 франков от каждой организации в месяц!

Но, как бы то ни было, „значительные средства“ Донской казны кончились и Атаман с Мельниковым стали харчевниками, чтобы извлекать из казачьих карманов франки. Но и тут они провалились, не научились еще торговать!

Правда, тут Богаевский находит себе оправдание, виноват, мол, не он, а... французская власть. Он при-

знается, что они недурно торговали, получали хорошие барыши и жили, но вот вдруг — „теперь неожиданно грянул гром: французское налоговое ведомство, не взимавшее с нас раньше налогов и рассматривавшее наши предприятия, как кооперативные, прислало окладные листы, требуя уплаты налога за прошедшие годы в сумме 12000 франков. Создалось тяжелое положение. Нас могут продать с молотка“...

Вот это здорово! Атаман признается в своем материальном банкротстве, а его ближайший помощник, Мельников, давно уже признался в своем политическом банкротстве. Получается — два сапога — пара!

Получается вот какая картина: Богаевский и Мельников для того, чтобы проводить свою „едино-неделимую“ политику среди казачьей эмиграции, в местах сосредоточения казаков на Донские средства открыли свои рестораны, посадили туда своих „верных людей“. Рестораны эти торговали на совершенно одинаковых условиях с частными французскими предприятиями... Богаевский и Мельников с своими подручными на эти свои ресторанные доходы хорошо жили, но... забыли о своем неременном долге перед приютившей их страной — об уплате нормального государственного налога!

А теперь, казаки, присылайте свои франки, выручайте вашего Атамана и его помощника, иначе их „могут продать с молотка“!

Замечательно тут еще и то, что Богаевский со своим циркулярным письмом обращается не к организациям („я не обращаюсь к станицам и хуторам“), а к отдельным лицам, надеется „особо на тех верных казаков, которые в 1931 году отозвались на призыв поддержать „РК“ и своею помощью дали возможность журналу“... благополучно и тихо скончаться.

И тут Богаевский остается верным себе: не разговаривать, казаки, а молча меня поддерживать, да тихонько присылать мне свои деньги. Делает он так потому, что знает, что если обратится к организациям, то там неизбежно начнутся разговоры — почему, да как, и т. д., а это, по глубокому убеждению Богаевского, недопустимо, ибо это удар по атаманскому престижу. Спрашивается, где же „160 организаций“ Мельникова? Ведь каждая организация, как бы она худосочна ни была, в состоянии уплатить 100 фр. А 160 организаций по 100 фр. — без всякого шума выручили бы своего шефа от „продажи с молотка“! Ан, нет. Когда к расчету стройся организации эти оказались мыльным пузырем!

А потому... выручайте „верные казаки“.

И я почти не сомневаюсь, что „верные“ постараются...

К тому же, будут пущены в ход и разные угрозы: кто не откликнется и не пришлет свои франки, тот, мол, не получит и камбатантской карточки пресловутого „Союза русских казаков“, не получит от Атамана и другие разного характера удостоверения и т. д.

Ибо, для заполучения с казаков франков все средства хороши.

А ген. Богаевский — сих дел отличный мастер!

Праздник ВК:

В Лионе.

10 декабря Вольно-казачьи организации г. Лиона устроили торжественный банкет по случаю празднования пятилетнего юбилея существования журн. „Вольное Казачество“, а равно и ВКазачьего движения. Желанными гостями вольных казаков в этот день были старые испытанные друзья — местные представители Украинской колонии. В течение официальной части банкета состоялось выступление ряда ораторов именно подхор. Пустошкина (пред. „Союза ВК сепаратистов), хор. Настоящева („пред. „Вольно-казачьей кассы взаимопомощи“), есаула Хоруженко (предст. журн. „ВК“), подхор. Юрова (пред. „Федерации ВК — des anciens combattants“), полковника-инженера Тарана и капитана

Горбатенко (представителей „Товариства б. вояків Армії УНР), пана Ярмолы (пред. „Украинской Громады“) и т. д., кои в исключительно теплых и проникновенных выражениях отметили выдающуюся роль и значение журн. „ВК“, как руководящего фактора стихийно развивающегося ВКазачьего движения. В промежутке между речами, подхор. Пустошкин, председательствовавший на банкете, огласил ряд письменных приветствий из различных мест рассеяния вольных казаков.

По окончании официальной части состоялись общие танцы. Чрезвычайная оживленность, непринужденное веселье, исключительная многолюдность и неподдельный энтузиазм, может лишний раз указать на то, как в условиях тяжелой эмигрантской обстановки вольные

казаки воспитывают силу духа и крепость веры в свое правое дело.

Первый тост был поднят за И. А. Билого, последний — за ниспослание победы вольным казакам и мощное, крепкое создание Казачьей Державы — Казакции...

Да, будет так!!!

(Соб. кор.)

В Августове.

... Перед праздником вольные казаки ходят и чего-то все обсуждают. Дело оказалось в том, что все они советовались, как бы провести свой национальный праздник более оживленно и подумать думушку всеми сообща вольноказачьими силами... Я заранее обо всем позаботился и ко дню праздника план был обдуман и решен. Конечно, должен сказать, что я хотел было поставить дело в более широком виде, но, по случаю бедности, порешил сделать более скромно.

10 декабря, в 6 часов вечера мы собрались в уютной комнатке одного из вольных казаков. На столе — портрет И. А. Билого. Возле — два флага: первый братского нам народа, приютившего нас в трудную для нас минуту, — бело-красный, а второй — сине-малиново-желтый, флаг общеказачьей Родины.

Среди вольных казаков и их гости — представители украинской организации в городе Августове. Открывая вечер, я постарался пояснить данное празднество. После меня сказал теплую речь станичник Кочетов, коснувшись основ и развития ВК, отношения врагов к ВК, а также говорил о том, какая братская связь должна существовать между украинцами самостийниками и вольными казаками. После стан. Кочетова взял слово гость-украинец и после сочувственной речи предложил почтить память покойного станич. Фролова. Станичник Кочетов предлагает собранию почтить вставанием всех героев свободы наших времен. Много хороших мыслей говорили и другие.

По окончании речей собрание просило меня от имени всех собравшихся поздравить редактора и всех сотрудников журнала „ВК“. А посему я от лица доверивших мне приношу сердечную благодарность Вам, станичник Редактор, и Вашим сотрудникам за такое великое дело, которое вы делаете уже пять лет. Дай Бог Вам сил и здоровья довести это дело до успешного конца.

А. Кирьянов.

(Соб. кор.)

Письма-приветствия, полученные редакцией „В. К.“ ко дню 10 декабря 1932 года.

(Продолжение).

XXI.

Господину Редактору журнала „ВК“.

Казаки Тихого Дона и многоводной Кубани поздравляют Вас и Ваших сотрудников с пятилетним выходом журнала „ВК“, который, как трудолюбивый пахарь, невзирая на чинимые ему препятствия, сеет на ниве свое доброе семя.

Вот уже пять лет, как гремит казачий набат, пять лет трубит труба: „Проснись казак, довольно быть тебе подвластным кого-то, куй свое счастье сам, ты вольный казак, как были твои деды и прадеды, твоя доблесть гремела и гремит теперь, невзирая на то, что недруги в твой лавровый венок вплели тернистый шиповник.“

И зов Ваш, братья казаки, не остался голосом воющего в пустыне, а все больше и больше вбирается в зачерствелую душу казака.

Мы, казаки, шлем свой чистосердечный привет и желаем Вам и Вашим сотрудникам здоровья и сил в столь тяжелой работе на освобождение родных Казачьих Краев.

Г. Кравченко. В. Донецков. С. Поляков. И. Аввакумов. Ив. Лагутин.

4 декабря 32 г. Варна.

В Шабаце.

Что ни больше гонений на вольных казаков со стороны Войсковых Атаманов и др., тем они теснее между собой. Вольные казаки в Шабаце первый раз за свое пребывание в изгнании торжественно отпраздновали 5-ю годовщину издания журнала „ВК“. Организаторами этого празднования явились есаул Андр. Дм. Богдан и Аким Ан. Молько. Дружной работой они провели наскоро подписной лист, который показал, сколько вольных казаков в Шабаце. Потом они сами не верили в такую силу. Казаки, можно без преувеличения сказать, давали на этот праздник последние гроши, но они этим показали, что вольные казаки хотят отпраздновать этот праздник. Никто не знал, что готовится к этому празднику, только видно было, как усиленно заботятся организаторы.

10 декабря, в 3 часа дня казаки стали собираться в одну из „кафан“. Накрытый стол уже ожидал их. На столе лежал испеченный огромный баран; вино и специально сделанные рога, взамен стаканов, дополнили картину стола. Организаторы не рассчитали только числа мест казаков, ибо их оказалось в два раза больше. В углу под образами стояла картина Репина — ответ казаков на ультиматум султана турецкого, подпись под которой громко прочитал Андр. Косенко, что еще больше подкрепило казачье единство и напомнило о древней воле казачьей.

Аким Ан. Молько поздравил казаков с праздником и предложил избрать на время празднества и на будущий год Кошевого Атамана. Единогласно был избран П. И. Иконников, который благодарил казаков за избрание и напомнил казакам, что обязанность вольных казаков именно теперь сомкнуться как можно теснее, высоко нести вольноказачье знамя и поднял рог, наполненный далматинским вином, за здоровье И. А. Билого и громкое ему ура, многая лета Казачеству и Казакии.

Казаки в этот день забыли свое тяжелое эмигрантское существование, приветствовали кошевого и организаторов празднества.

Тут же казаки дали слово в будущем жить дружной казачьей семьей, прислушиваясь к голосу вождей ВК.

XXII.

Українська Громада на Туреччині широ вітає синів Вільного Козацтва з 5-ою річницею вільного козачого слова, бажаючи усім дальшої праці, а також скріплення козачих рядів довкола об'єднаної Великої Ідеї.

М. Забелло — Голова.

29. листопад. 32. р.

XXIII.

Глубокоуважаемый Игнатий Архипович!

Правление Общеказачьей станицы на Словакии поздравляет Вас, сотрудников и всех вольных казаков с пятой годовщиной издания дорогого нам журнала „ВК“.

Ваша пятилетняя работа на пользу Казачества приносит богатые плоды. Казачество пробуждается, пбняв обман своих бывших вождей, бросивших его на произвол судьбы в тяжелую для Казачества годину.

Уже не за горами то время, когда все казаки прозреют и станут в ряды... в ряды бойцов за свободную, дорогую нам Казакию.

С вольно-казачьим приветом, Атаман: И Безуглов. За писаря: Еременко.

8-13-32 г.

XXIV.

Глубокоуважаемый и дорогой станичник!

Мы, вольные казаки куреня Ермака Тимофеевича, поздравляем в лице Вашего всех вольных казаков с вольно-казачьим праздником 10 декабря. Дай Бог следующие праздники вольных казаков встретить нам в наших Новочеркасске, Екатеринодаре и Владикавказе.

За Атамана куреня: *Г. Никишин*.
26 ноября 32 г. Г. Клевеланд.

XXV.

Вольно-казачьим борцам за честь казачью пеподкупную.

Здравия желаем Вам, дорогие братцы, Атаманы-молодцы всех казачьих Войск.

10 декабря 1932 г. настает наш национальный праздник с которым, мы вас, нижеподписавшиеся вольные казаки, поздравляем.

Поздравляем Вас, братцы, с пятой годовщиной выхода в свет журнала „ВК“. Пусть он озаряет нам шлях-дороженьку во веки веков.

Но к великому нашему сожалению есть из среды нас еще люди, которые по высоте образования стоят выше нас, но вместо того, чтобы вывести нас из ужасного положения на желаемый всеми путь, стараются искусно усугублять это великое дело и на этом усугублении добиваются себе блага и величия. Нет, господа лже-учители, напрасно стараетесь вы замануть нас под нашим историческим именем в кабалу.

У нас, вольных казаков, лозунг: Наш девиз — Казачья Воля, Казакия — наша цель. А у вас, как мы узнали из статьи станичника Еремеева, отправлять строптивых, принимать покорных, то по сему нам с вами не по дороге. Вы оставайтесь на своем старом посту, а от вас отворачиваемся, как от изменников и развратников честного казачьего дела, и вливаемся в родную казачью семью.

Смирненно преклоняемся перед прахом своих прародителей, осеняем себя крестным знаменем и произнесем молитву: Да воскреснет Бог и расточатся врази его.

Да здравствует Казачество единое, неделимое!

Атаман: *Ф. Сафонов*. Помощ. атамана: *М. Быстров*. Члены станицы: *А. Фролов, А. Любимов* (Яицк. Войска), *М. Муругов, Ив Мотарыгин, С Железников, С. Пастухов* (Яицк. В.), *Г. Рыбасов* (Астр. Войска), *Г. Цыганков, Е. Кулешов, Е. Сафронов, Ф. Кузнецов, Н. Кузнецов, Н. Нехорошкин, Я. Колпиков, Д. Таликеев*.

XXVI.

Мы, нижеподписавшиеся казаки, проживающие в Болгарии гор. Видин, имени генерала от кавалерии А. М. Каледина станицы, поздравляем Правление ВК и всех казаков с пятилетним юбилеем,

Дай Бог нам скорого возвращения на Родину. Просим Вас считать нашу станицу присоединившейся к ВК во главе с ее атаманом Игнатием Прокопиевичем Коржевым...

Атаман: *И. Коржев*. Писарь: *С. Курдитин*.
6 дек. 32 г.

XXVII.

Дорогой станичник Редактор!

Мы, вольные казаки образовавшейся вольно-казачьей станицы имени полк. Мангатова в г. Гренобле, от глубины казачьего сердца имеем честь поздравить Вас, дорогой станичник, всех Ваших сотрудников, а равно через посредство родного нам журнала и всех братьев вольных казаков с 5-летним юбилеем нашего родного, милого сердцу нашему, журнала „В. К.“

С великой радостью отмечая неуклонное и неударжимое под Вашим энергичным и мудрым руководством развитие святой идеи освобождения Казачества, лишней раз благодарим вас, дорогие, за вашу самоотверженность в работе на благо нашей Родины. Смеет вас уверить, что мы в свою очередь стараемся вам помогать по мере сил наших и возможностей. Твердо верим и надеемся, что наше правое дело не умрет, ибо не угас еще дух казачий, дух вольных рыцарей, чему пря-

мым доказательством является сегодняшний, великий отныне день, день 10-го декабря — 5-летие существования журнала и в несколько сот раз увеличившееся число его последователей, истинных сынов вольности казачьей.

В заключение скажем: хоть тяжела казачья доля, но не сядем мы на мель, ибо: „Наш девиз — Казачья Воля, Казакия — наша цель“.

Примите, господин Редактор, уверение в искреннем к Вам уважении и преданности, и да поможет Вам Господь Бог в нашем святом и правом деле.

Атаман: *К. Грошев*. Писарь: *Б. Даков*.
3 дек. 32 г. Гренобль.

XXVIII.

Глубокоуважаемый господин Редактор!

Правление от имени хутора сердечно поздравляет Вас и все Вольное Казачество с пятилетним юбилеем родного нам журнала „В. К.“

От глубины казачьей души желаем Вам полного успеха, счастья и здоровья продолжать объединять Казачество... Дай Бог следующий юбилей праздновать не здесь, на чужбине, а там, в родной и свободной Казакии.

Атаман: *Нефедов*. Казначей *М. Семилетов*.
Писарь: *Колбасин*.

3 дек. 32 г. Греция.

XXIX.

Приветствуем редакцию „В. К.“ с 5-тилетней работой; приветствуем борцов за святое казачье дело, ныне рассеянных по всей вселенной сынов Казакии, которые вспоминают про вечер 10-ХІІ; приветствуем тех, в ком кипит кровь свободных казаков.

Мы, вольные казаки, должны 10-го вспомнить, за что мы готовимся принести себя в жертву — за жизнь оставшихся в родных Краях, которые день и ночь молят всевышнего Творца о скором освобождении их от большевицкой неволи.

Одни из них гибнут в далекой суровой тундре, другие в острогах, а третьи в родных Краях, болея душой о разорении и уничтожении дедовской старины, что для казака дороже его личной жизни.

Помните, вольные казаки, перед нами лежит тяжелая работа, которая требует от каждого из нас принести себя в жертву за свободу родного Казачества. Мы должны пролить свою кровь за свободу родных Краев.

Вольные казаки города Бургаса: *Ф. Андреев, И. Кузьмин, В. Чуркин, П. Харитонов, А. Мизин, К. Терешкин*.

XXX.

Глубокоуважаемый Игнат Архипович!

Правление Вольно-казачьего куреня имени Юрия Гончарова в Братиславе поздравляет Вас, сотрудников и всех вольных казаков с пятой годовщиной издания журнала „В. К.“

Дай Бог Вам успеха в дальнейшей работе на благо Казачества.

С вольно-казачьим приветом — *Правление*.
8-12-32 г.

XXXI.

Достойний Пана Редакторе!

У п'яту річницю існування журналу посылаю Боже благословення на успішне здійснення тих завдань, які поставило „Вільне Козацтво“.

Вам особисто, як нагороду: у повнім здоровлі, як колись Ісусу Навину, привести Вільне Козацтво до землі Рідної.

Всім вільним козакам: здоровля, витривалости та скорого повороту до Рідного Краю.

Нашадок Запорожців Священник *Іван Губа*,
Настоятель Української Православної Парахвії в Ковлі на Волині.

10-ХІІ-32.

XXXII.

Глубокоуважаемый Игнатий Архипович,

... Передайте мой привет собравшимся и мое восхищение их стойкой защитой интересов Казачества.

Преданный Вам *П. И. Кокунько*.
6-ХІІ-32. Земун.

XXXIII.

М. Г. г. Редактор!

От имени Донской казачьей станицы в Париже в лице Вашем и Ваших сотрудников поздравляю журнал „ВК“ с его пятилетним юбилеем. Дай Бог Вам мудрости, сил и здоровья на продолжение существования столь дорогого и милого казачьему сердцу журнала. В нем мы, казаки, находим свое славное прошлое, в нем мы черпаем энергию на борьбу за право самостоятельного существования, он наш светоч в той темноте, куда завели Казачество наши „бывшие“ вожди; при помощи журнала „ВК“ мы, вольные казаки, нашли верную свою, казачью дорогу и уже с нее не сойдем ни при каких обстоятельствах.

Пишите, стучите, кричите, чтобы нас, казаков, услышали и помогли нам скорее избавиться от русской нечести — коммунизма и скорее вернуться в свои родные края — в Казакию.

Да поможет Вам Господь Бог в преуспянии и преодолении всех препятствий на пути к возрождению Казакии. Да здравствует ВК!

Атаман станицы *Колесов*.

10-ХІІ-32.

XXXIV.

Многоуважаемый г-н Редактор!

В день нашего ВК праздника, в день пятой годовщины журнала „ВК“ шлем Вам и всем вольным казакам свой казачий сердечный привет. С чувством гордости, без страха и сомнений, мы вступаем на свой истинный казачий путь и зовем казаков, на распутье стоящих, сбросить с глаз пелену прошлого и понять, что у всех нас должно быть общим девизом Казачья Воля и целью — Казакия.

С. Чепурной, П. И. Мардасов, Н. М. Коваленко, П. С. Кондратенко, А. Е. Солодухин, В. Н. Федосеев, А. Герко, Д. Чесноков (кубанцы), Б. Баканов (калмык), Ярыгин (терец).

11 дек. 32 г. Виши.

XXXV.

Многоуважаемому г-ну Редактору и гг. сотрудникам журнала „ВК“.

... С большой охотой побывали бы мы на празднике, если нас не разделяли чужие границы, поражовали бы мы на этом празднике казак с казаком, душа в душу, и не было бы на этом празднике врагов Казачества. Да здравствует наш журнал, да здравствует ВК. Мы читаем журнал „ВК“ и желаем Вам, г-н редактор, скорого успеха в делах ваших, шлем привет.

Вольные казаки: *Ф. Сафоносов, П. Зазулин, А. Третьяков, Д. Лукьянсков, И. Кондратьев, П. Болдырев, И. Донецков.*

10-ХІІ-32. Польша.

XXXVI.

Многоуважаемый станичник Редактор!

Оглянувшись на весь пятилетний тяжелый и трудный путь нашего журнала и всего Вольно-казачьего движения, только сейчас можно понять и оценить всю работу, совершенную Вами. Ради ее вы пожертвовали своим спокойствием, здоровьем, подвергались оскорблениям и вызовам, но Вы через все прошли с честью и достоинством.

Мало того, Вы никого не дали в обиду из нас, вольных казаков, а наша идея в Вашем лице нашла твердого и горячего поборника, страшного для врагов национального возрождения казачьего народа, защитника рядовой казачьей массы и собирателя той части казачьей интеллигенции, у которой не угасла искра национального самосознания. Вы во всех нас видели граждан казачьей страны Казакии и, слив в одно монолитное целое Европейское Казачество, вселили уверенность в успех нашего дела.

Желая выполнить свой долг перед оставшимися там братьями, жажду окончательной победы...

Казачество встает и трещат те пути, какими оно было связано. Этот сдвиг сделал журнал, к успеху же нас должны привести наши люди. И хочется думать, что первое место среди них займете Вы.

Борис Кундрючков.

24-ХІ-32. Белград.

XXXVII.

Le cinquième anniversaire du „ВК“ votre travail assidu et fécond fait croire à un but certain plein de succès pour l'idée „ВК“. Je vous souhaite la santé, les forces, et les succès dans vos exploits misent au service des pays natales des cosaques libres. (Телеграмма).

Joukoff.

XXXVIII.

Дорогой Игнатий Архипович!

... Уже не за горами день юбилея журнала, — шлю по этому случаю Вам свои поздравления и самые лучшие пожелания. Пять лет — это уже гора, с которой можно посмотреть далеко и назад и вперед. Что позади? Прежде всего, — больше времени, чем существовал какой-либо казачий журнал в эмиграции, а это уже много. Журнал заставил работать казачью мысль и не только поставил, но и дал ряд ответов на вопросы казачьей истории, экономики, быта, социологии, — то, что никто еще никогда не делал с такой систематичностью и в таких размерах. Враги ВК, как политического движения, рассматривают, естественно, журнал, как явление вредное, но и они при известной степени объективности не имеют морального права не признать за ним заслуги порядка указанного выше.

Что впереди? — Впереди прежде всего пусть будет вера в то, что все это не даром, что все это будет приложено в жизнь, что вся затраченная энергия падет добрым зерном на восстановление родной земли.

По текущему же моменту скажу Вам, как редактору. одно: на Вас много нападают и за журнал и за способ его ведения. Было бы странно и противоестественно, если бы Вы, будучи человеком, были бы безгрешны „в делах веры“ и никогда не ошибались, как римский Папа. Но только почему же никто из нападающих за пять лет не показал, как же нужно поступать и что надо делать? Почему все так уверены в своей правоте на словах, но не могут иллюстрировать эту правду на деле? Кто, далее, смелой, твердой рукой решится произвести в своем плане „ведения дела“ линию, размежевающую здоровый демократизм от слезливо-кислой кашки демократических сентиментальных „разговорчиков“? Путеводной звездой в этом клубке пусть будет для Вас мои слова — мой лозунг: „Поменьше всяких долей, побольше да здравствует“. Этот девиз никогда меня не обманывал, ибо конструктивное начало всегда побеждает.

К пятилетнему юбилею Вам и журналу еще раз „наздар!“.

Инж. Бейсуг.

Дек. 1932 г.

XXXIX.

Дорогой Игнатий Архипович!

... За неимением возможности быть среди вас в этот день, имеющий историческое значение, я от всей души и чистого сердца поздравляю Вас, как достойного председателя Малого Круга, а также всех братьев сотрудников, с пятой годовщиной выхода в свет нашего „ВК“.

Форт „Казачья Воля“, воздвигнутый нами, есть твердыня исторического значения, о который разобьются все яростные атаки врагов казачьей свободы. Да не сокрушатся наши кости доколе не увидим нашу родину — Казакию — освобожденной от рабства красных и белых врагов. Пошли Боже суд праведный врагам, пролившим невинную казачью кровь.

Павел Кудинов.

3-ХІІ-32. Болгария.

XL.

М. Г. Многоуважаемый Редактор.

Позвольте выразить обычную признательность за любезное приглашение на редакционный чай, устраиваемый по случаю 5-й годовщины выхода в свет первого номера „ВК“. Из писем моих за истекшие годы Вам известно мое отношение и внимание к Вашему журналу: желаю развития ему и сил его работникам, столь стойко стремящимся к поставленной цели.

Примите уверение в уважении: *А. М. Топчибаши.*
5-ХІІ-32. С-Клу.

XLI.

Глубокоуважаемый Игнатий Архипович!

... Настоящим имею честь поздравить Вас, а равно и возглавляемый Вами Вольно-казачий Центр, успешным проведением в жизнь основ Вольно-казачьей программы, что служит залогом освобождения Казачества из под ига русских большевиков, а вместе с тем и создания казачьего независимого самостоятельного государства Казаккии. Результаты, значение и влияние журнала „ВК“ — колоссальны, и это тем более, что в данное время только за границей насчитывается несколько тысяч вольных казаков, т. е. основные кадры политической армии казаков-самостийников, заканчивающей через определенный срок организацию своих рядов и после этого переходящей к действительной работе по освобождению Казачества.

Смело глядя вперед, будем неуклонно стремиться к тому, чтобы под Вольно-казачьем знаменем, на коих начертан лозунг „Наш девиз Казачья Воля, Казаккиа — наша цель“, собрались все, для кого слово Казачество не является пустым звуком, в жилах коих еще не застыла кровь казачья. С Богом вперед!..

А. Ленивов.

21-XI-32. Гор. Лион.

XLII.

М. Г. г-н Редактор!

Вас и всех вольных казаков поздравляю с пятилетним юбилеем родного казачьему сердцу „ВК“. Пять лет... Для того, чтобы приготовить нужный материал для постройки Вольно-Казачьего куреня, небольшой срок. Будем верить и в конечный успех его постройки.

В. П. Елисеев.

Клуз. 7-XII-32 г.

XLIII.

Многоуважаемый Игнатий Архипович.!

Путь борьбы за свободу и национальную независимость всякого народа есть путь тернистый. Ложью, злобой и клеветой забрасывают высшие, честные побуждения борцов „свои“ и чужие враги всякой свободы. Пять тяжелых лет Ваш славный орган мужественно и с успехом борется за наивысшие права казачьего народа. Сердечно приветствую в вашем лице всех борцов — вольных казаков — и искренно желаю на общем нам поле борьбы одержать полный успех. Конечная победа за теми, кто мужественно и честно отстаивает незывлемые национальные права. Боритесь — да победите!

Искренний друг вашей и нашей свободы

Пиемахо-Коцев.

5-XII-32. Турция.

XLIV.

До Хвальної Редакції літературного і політичного журналу „Вільне Козацтво“.

Складаю сердечне привітання з приводу п'ятої річниці існування журналу і бажаю успіху в дальнійшій праці на користь вільного і незалежного Козацтва.

А. Пузицький.

Генерал-хорунжий.

XLV.

Вельмишановні Панове!

В імені Ради бібліотеки і від себе особисто прошу прийняти вислови щирої вдячності за миле запрошення на вечірку з нагоди 5-ї річниці існування журналу. Шлемо всім співпрацівникам журналу наші добрі побажання.

Прийміть вислови нашої пошани

Рудичів, бібліотекар.

29 листопаду. 1932. Париж.

XLVI.

В імені цілої Української Колонії міста Ліону (Франція) маємо за шану здоровити хвальну Редакцію та її співробітників з п'ятирічним ювілеєм і побажати скоршого здійснення тих ідеалів, які написані на її прапорах. Хай живе Вільне Козацтво.

Прийміть вислови нашої щирої пошани: *Бойко, Голова Управи. Ярмола, Заступник. Сурмій, Секретарь.*

4 грудня 1932. № 165. Ліон. Франція.

XLVII.

М. Г. г-н Редактор!

... Просим принять и передать всем вольным казакам наши искренние поздравления в день сегодняшнего пятилетия журнала „В. К.“

Каждое усилие на пути к освобождению наших горячо любимых родин приближает нас к тому счастливому дню торжества народов Востока Европы, ко дню торжества права и малых народов свободно и независимо строить свое будущее.

И нужно отдать должное, что в этом направлении сделано многое, достигнутые результаты уже ничем не сгладить, ни умышленным замалчиванием и затиранием самих имен наших народов, в частности это особенно заметно на горцах Северного Кавказа и туркестанцах, как то принято в рядах наших противников.

Пусть попрежнему остаются они в своем заколдованном кругу, тем неожиданней и сокрушительней будет наш удар — последний удар.

Да здравствует славный Прометеевский Союз Народов Востока Европы.

Да здравствует Вольное Казачество.

Адиль-Бек Кулатти.

Именем Черкезов (горцев) г. Брно.

Брно. 10-XII-32.

XLVIII.

Високошановний Пане Редакторе!

З приводу п'ятої річниці існування „В. К.“ складаю на Ваші руки найщиріші поздоровлення і найліпші побажання на будучину. Хто стеже за Вашою діяльністю, той добре баче, що не трояндами вслано дорогою Вошої п'ятилітньої праці над плеканням дорогої Вам і всім нам ідеї В. К. на вільних козачих степах і над виробленням нового козачого світогляду, без якого не мислимо вертати до дому.

Незмірно тяжко боротись на всі фронти, та найтяжче приймати удари зради з найближчого оточення. Але за п'ять років ні вороги, ні „друзі“ не могли зламати ані скривить Вашу просту, ясну провідну ідею.

Отже, міцними руками, дужим молотом куйте слова „козачої правди“ тверді як криця, чисті — як золото, а коли настане слухний час ставати до бою, хай в серці у кожного вільного козака буде викована з криці любов до Рідного Краю і бажання віддати своє життя за його незалежність і щасливу будучину.

Дай, Боже, Вам сил і здоровля на сто літ, а „Вільному Козацтву“ на сто тисяч літ.

З сусідським щирим привітом *С. Тимошенко.*

4-XII-32. Луцк.

XLIX.

Високоповажний пане Редакторе!

Українська Громада у м. Пловдиві сердечно вітає Вас та Ваших співробітників з п'ятою річницею існування популярного та так корисного для об'єднання козачої еміграції журналу „ВК“.

Бажаємо Вам другу річницю святкувати не тут, на чужині, а там у себе в Рідній і Вільній Козакії.

Голова *Андрієвський; Кир. Лойка*, за секретаря.

Грудня 8, 1932, № 85. гр. Пловдив.

L.

Щиро вітаємо шановну Редакцію з п'ятою річницею існування Вашого журналу, та бажаємо і надалі повного успіху в Вашій праці на користь і славу всьому Вільному Козацтву.

З правдивою пошаною: Голова *Вскорженовский,* Секретарь *Б. Мартос.*

6-XII-32. Новий Сад.

LI.

Дорогий Гнате Архиповичу!

Дуже мені шкода, що я не можу сьогодні бути з Вами в день Вашого ювілейного свята... Сталий Ваш гість в минулому й майбутньому, сьогодні щиро вітаю Вас писемно, бажаю Вам і товаришам Вашим найкращих успіхів у Вашій незломній боротьбі за визволення поневоленої батьківщини.

Ваш *М. Славинський.*

LII.

Редактору „ВК“ И. А. Билому.

Сердечно благодарим Вас за любезное приглашение, но мы не уверены, позволит ли нам состояние здоровья прибыть на Ваш симпатичный праздник, который мне дорог, как сотруднику в Вашем деле. Кланяюсь вашим гостям.

Ваш преданный *О. Эйхельман.*

9-XII-32.

LIII.

Вельмишановний пане Редакторе!

Вітаю з праздником п'ятої річниці вашого славного журналу „В. К.“ і бажаю вам щастя і здоров'я працювати на користь нашого славного Козацтва. Хай же стануть всі козаки, які почувують себе не руськими, в ряди В. К., бо в цьому тільки наш порятунок. Наші брати замучені стікають кров'ю в московському червоному раю. А ми тут ще будем слухати московських провокаторів, які не бажають добра козацтву!.. До зброї, Козацтво, наші брати у неволі! за наші вільні Землі! за нашу волю, за наші пограні Москвою права! Хай живе Вільне Козацтво. Поможі вам Боже.

Шануючий Вас коз. *Ф.Шепель.* (Тегеран. Персія.)

LIV.

Господина Редактора и всех сотрудников национального казачьего журнала „В. К.“ поздравляю с 5-летней годовщиной выхода в свет журнала, будящего Казачество к национальному самосознанию. Всем вам, дорогие станичники, желаю крепкого здоровья и бодрости духа. С нетерпением чаем воскресения Родных Краев. Эга великая и прекрасная цель, положена в основу вашего бытия еще там, в Родных Краях, нашими законодательными органами Войсковыми Кругами и Радой. Статья первая Донской Конституции гласит: „Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное государство, основанное на началах народоправства“. И точка. Никаких пояснений и примечаний к этому параграфу нет. Законодатель — Войсковой Круг — не сказал, что он мыслит самостоятельность Дона временно, „впредь до“. Донская присяга начинается словами: „Обещаюсь честью Донского казака перед всемогущим Богом и перед святым его Евангелием и честным Крестом быть верным и неизменно преданным Всевеликому Войску Донскому, своему отечеству“.

Для меня — это высший закон. Так будем же казачьей соборностью стремиться к этой законной цели. Сожмем теснее ряды, особенно теперь, когда бывшие наши официальные вожди публично заявили о своем банкротстве (Н. М. Мельников, 2 апреля 1931 г. в г. Коломбель, Франция).

Знайτε станичники, что вся рядовая казачья масса стоит за Вами. Если она (масса) и не принимает активного участия в работе, так это вовсе не значит, что она не сочувствует Вам. Причина кроется в тяжелом материальном положении каждого из нас, безграмотности и только отчасти в апатичности. Ищите союзников у которых есть пушки, аэропланы и удельный политический вес. Такими союзниками могут быть: Польша, Румыния, Финляндия, Латвия, Эстония и Литва...

Да здравствует наше правое дело воссоздания Казачьего государства!

Иван Комаров.

LV.

Глубокоуважаемый Игнатий Архипович!

В день 10 декабря, приветствуя Вас, как Редактора, и всех Ваших сотрудников с пятилетним завершением издания Вами журнала „В. К.“, от искреннего сердца желаю и дальнейшего существования этому казачьему печатному органу, ибо в нем каждая строка вливает бодрость в измученное скитаньем сердце казака и воспитывает в нем беспредельную любовь к своему Родному Краю. Будьте же здоровы и Богом хранимы от всяких зол.

Уважающий Вас *И. Гашиунский.*

1932. 8 дек. Франция.

LVI.

М. Г. г-н Редактор!

... 10 декабря буду мыслями и душой с Вами, дорогой вдохновитель, в родной казачьей семье. Пятилетнее существование нашего журнала и его великая идея В. К. сделали гораздо больше, чем прохвосты „пятилетковцы“ и прочая сволочь...

Силы В. К. крепнут, глухие ряды пополняются, даже люди чужие нам все больше и больше сочувствуют и близок час воскресения Казакии.

Всем вольным братьям казакам шлю горячий донской привет, врагам же нашей вольности — полное презрение, Да здравствует Казачья Воля и родина наша Казакия.

Есаул Валентин Сидоров.

Польша. 7-XII. 32.

LVII.

Глубокоуважаемый Игнатий Архипович!

Поздравляю Вас с пятилетней годовщиной ВК, считаю долгом старого казака от чистого сердца с радостью сказать Вам: „Честь Вам и слава и наша искренняя казачья признательность, что в продолжении пяти лет Вы верно и неизменно несете тяжелый долг Ваш. Мы знаем, как труден он, знаем с какими опасностями сопряжена пятилетняя борьба с народными врагами. Знаем, как много ума, энергии, самоотверженности и неодолимого чувства любви к отечеству необходимо иметь в душе, чтобы идти вперед и всюду быть первым. Борьба тяжела, „их — много, нас — мало. Но правда, степовая, дедовская правда с нами и с нами Бог.“

Тверда поэтому и неопенима вера наша, что пока знамя В. К. держится Вашей рукою, мы не боимся за его падение. И за Вами пойдем и, если надо, все отдадим в борьбе. И, дал бы Господь, не пожалеем жизни за волю... но с рабством не примиримся и рабами не будем. Это Вы знайте и в соответствии с этим действуйте смело. Храни Вас Бог!

Всей душой преданный *Иван М. Назаров.*

2 дек. 1932 г. Княжевац.

LVIII.

Уважаемый и дорогой Игнат Архипович!

В день великого нашего казачьего праздника, от имени своего и группы приверженцев нашей идеи, собравшихся по моему предложению на дружескую скромную беседу, шлю вам и всем вашим ближайшим помощникам самые горячие пожелания и в первую очередь здоровья и силы к дальнейшей борьбе за правое дело.

Пусть лезут из кожи поборники рабства и враги свободы. Время и жизнь делает так, как находят это нужным. Во всяком случае, как это замечается, попутный ветер с нами и быть иначе не может, ибо за нами великая сила — правда.

Чуют сами, что запутались в трех соснах. Так пусть же будут честными и, осознав свои ошибки, смело и прямо покаются в них. Казачье сердце доброе, оно простит невольню и быть может неосознанно заблудшим. Оно пригорне блудного сына до себе и забудет старі справи. Так буде краше.

Жму крепко честную руку и еще раз желаю Вам абсолютного успеха.

Искренно уваж. Вас Войск. Старшина

Г. А. Козловский.

12-12-32. Берлин.

LIX.

Многоуважаемый г-н Редактор!

Пятая годовщина журнала лучшее доказательство успеха идей „В. К.“ и залог будущей свободы нашей Родины.

Вам — больше силы и энергии в работе, нам — больше жертвенности и веры.

Примите уверение в искреннем к Вам

уважении, *Петр Закрепа.*

(Продолжение следует).

Казачья эмиграция.

На Большой Круг В. К. (с'езд).

Поступило: от И. Уколова (из Болгарии) 100 лева; от А. Тырина (из Швейцарии) 10 шв. крон; от В. Фролова (из Франции) 10 фр.; от У. Алексеева (из Франции) 10 фр.; из Монтаржи через Карташева 143 короны ч.; от В. Крыштопы (из Лиона) 30 фр.; от Ив. Канарева (из Клевелянда) 33 кч; от И. Гашунского (из Франции) 39 кч; от Ив. Федотова (из Франции) 39 кч.

В Греции: В Правление Общеказачьего хутора в Воло на ВК с'езд поступило: от Е. Ф. Левина, В. И. Пермякова и М. М. Нефедова по 50 драм, всего 150 драм, каковые и хранятся в хут. правлении.

В Болгарии: ВК Донской [Селимийской] Св. Николаевской станицей собрано на Б. Круг ВК 195 лева, каковые и хранятся в правлении станицы.

Во Франции в Гренобле, после доклада Г. Балабина, поступило: Грошев — 5 фр., Червонец — 2 ф. Вонарха-Варнак — 5 ф., Одобецкий — 2 ф., Куцевол — 6 фр., Миринов — 5 фр., Дорошев — 2 фр., Вихров — 250, Учуров П. — 5 фр., Мангагов — 10 ф., Хохлов — 5 ф., Ачканов — 2 фр., Орехов — 2 фр. Всего 54 фр. 50 с., каковые переданы атаману Грошеву.

ВК в Видине.

Защищая вековые традиции, защищая основы казачьего быта, народоправства и казачьего равенства, мы, нижеподписавшиеся казаки, проживающие в Болгарии (гор. Видин), решили, не нарушая порядка и устройства существующей станицы, выделиться и составить отдельную группу в казаков-националистов. Группа вольных казаков в дальнейшем не намерена вступать в споры (политические) с казаками московского толка. Сплотившись в одну семью, воодушевившись одной политической верой, решили неизменно продолжать то святое дело, которое написано на вольноказачьем знамени: Свобода и Независимость Казаки.

Противникам же предлагаем не мешать нашему делу, а выбрать тот путь, на который зовет их совесть их.

Борясь за независимость своей родины-Казаккии, мы опираемся на исторические факты и тем одержим победу. Знаем, что к нам придут еще казаки и тогда мы образуем станицу или хутор вольных казаков и будем звать под свое казачье знамя всех своих братьев казаков.

Одновременно избрали мы себе для ведения общественных дел и связи с вольноказачьим Центром старшего группы Василия Ф. Плешакова.

Настоящее постановление написать в двух экземплярах, из которых один оставить при себе, а другой отослать в редакцию „ВК для опубликования.

Подписали: В. Плешаков, В. И. Брехов, Игнат Коржев, Алексей Болдырев, П. Кудинов, Евгений Кудинов, Георгий Епихин и Степан Лапченков.

27 ноября 1932 г., град Видин.

ВК в В. Бечкереке.

(Из письма в Белградский центр ВК).

Вольные казаки из В. Бечкерека, соединенные братской любовью с вольными казаками Украинской Громады, сегодня после торжественного молебствия, собравшись в одну великую семью и отпраздновавши наш традиционный праздник, считаем долгом приветствовать Вас и просим всегда помнить вольную Казаккию. Единодушно зовем: слава нашему Казачеству, которое не может быть никогда подневольным.

Гор Скалицкий, Ф. Якименко, Я. Мирошник, К. Ачмизов, Микола Мельничук, Добранский Д. А. Кубарев, И. Бондаренко, Н. Акульшин, И. Назаров, Т. Манжула, В. Танков, Н. Мельников, Д. Карпов, З. Кобозев, И. Павлов, (две подписи не разобраны).

ВК в Панчево.

Мы нижеподписавшиеся казаки, проживающие в городе Панчево (Югославия), собравшись во единый круг 1 января 1933 г., постановили: об'явить себя Вольно-Казачьим курунем во главе с курунным атаманом доктором Николаем Михайловичем Яковлевым, казаком Кубанского Казачьего Войска, станицы Иркилевской, Кавказского отдела.

Атаман куруня: д-р М. Яковлев.
Писарь: М. И. Махно.

1 января 1933. Панчево.

Доклады В. И. Балабина и А. К. Ленинова.

Правление Донской Парижской станицы и ОКР 11 декабря устроили в Париже публичное собрание, на котором сделали доклады атаман Вольно-казачьей станицы в г. Южине полк В. И. Балабин и представитель журнала „ВК“ в Лионе А. К. Ленинов, — первый на тему „Кровь казачья в нас еще не застыла“, а второй — „Голгофа Казачества“.

Председательствует на собрании атаман Парижской Донской станицы ес. М. М. Колесов. За столом президиума — предс. ОРК ес. И. В. Киктев, два докладчика и полк. Жуков. Над столом тихо склонились казачьи флаги, в центре — сине-малиново-желтый флаг ВК. Переполненный зал на 27, Ля Тур Мобург, знакомый многим эмигрантам в Париже. Среди публики видны противники ВК, но нет ни одного так называемых „видных“. Присутствуют представители соседних с Казачеством народов.

Ровно в 2½ часа дня председательствующий предоставляет слово первому докладчику полк. В. И. Балабину. Поднимается небольшого роста старик, с красивой, пышной (по пояс) седой бородой, который с юношеским пылом, простым, понятным для всех языком в течение полутора часа убедительно подробно разворачивает перед слушателями казачье героическое прошлое, рассказывает о гнусных делах донских официальных „вождей“, призывает казаков познать самих себя, научиться различать врагов от друзей и стать на единственно правильный, спасительный казачий путь — на путь ВК.

Доклад старого матерого казака производит на слушателей сильное впечатление.

Затем слово предоставляется второму докладчику А. К. Ленинову, который со свойственным ему темпераментом в течение полутора часа рисует перед аудиторией картину того тяжкого, кровавого пути, через который, по злой воле других, прошло многострадальное Каз-во и пришло к своей Голгофе. Доклад Ленинова, основанный на неоспоримых исторических документах и рассказанный с таким заражающим пафосом, произвел на слушателей огромное впечатление.

После доклада об'является перерыв, а затем состоялись прения. Нужно сказать, что ни один из противников ВК, присутствовавших на собрании, не осмелился выступить, хотя некоторые из них старательно записывали то, что говорили докладчики.

Первым выступает ес. И. В. Киктев, который выражает свое глубокое сожаление о том, что до сего времени не все казаки стали под знаменем ВК. По его словам, это противно природе и духу казаков. Все казаки, если они слушаются зова своего сердца, веления своей казачьей крови, если не утратили окончательно свою честь казачью неподкупную, непременно должны быть вольными казаками. Между тем мы знаем, что еще есть казаки, остающиеся за бортом вольно-казачьего движения, даже заявляющие иногда, правда, преимущественно по темным переулкам, что они — противники ВК, ведут с ними „борьбу“. Вот и сегодня я здесь вижу т. н. руссо-казаков, но они молчат. Очевидно их душе ничего не говорят те огненные слова докладчиков, та страшная картина кровавой расправы с Каз-вом... А я, слушая эти доклады, платком слезы утираю!..

Что вы молчите руссо-тяпы? Язык к гортани приох, иль нет у вас живого слова казачьего? Душа в пятку ушла, иль кровь казачья в вас застыла? Душа ваша разве не болит о том, сколько казачьей крови пролито, сколько казачьих голов на плахе слетело! За что? За „Великую Россию“, за расширение ее границ! А благодарность за это со стороны русских? — Караваны плотов с казачьими трупами на виселицах, игра засушенными головами казачьих атаманов, отнятые казачьей земли, отстранение казаков от образования, от просвещения, подлое убийство из за угла, повешение на перекладине лучших сынов Каз-ва — Рябовол, Кулабухов!

Что же делать нам, казакам, теперь? Снова повторять прошлые ошибки, опять идти за „Великую Россию“, костями ложиться за ее границы, влезать снова в московский хомут? Я обращаюсь к руссо-казакам, а не к вольным, так как последние уже знают, что им делать, куда и с кем идти. А вот эти руссо-казаки молчат, в рот воды набрали, им нечего сказать, ибо они уже отказались от права думать собственной головой, предоставив это право в монопольное пользование своим „хозяевам“. Они не хотят разобраться в прошлых ошибках наших правителей, не ищут путей спасения Каз-ва.

Дальше рассказывает о некрасивой деятельности Астраханского Атамана Ляхова — и говорит: чтобы заслужить популярность среди казаков, эти наши „вожди“ кричали нам, распинались перед нами, клялись, что они — за Каз-во, за Родину, призывали нас идти спасать Каз-во! И мы шли: Донцы за Дон, Кубанцы за Кубань и т. д. шли и умирали, думая, что умираем за родное нам Каз-во, за его лучшую долю, а на поверке оказалось, что они вели нас к спасению не Каз-ва, а России. Распинались же они перед нами потому, что знали, что казаки за Россию не восстали бы и столько напрасных жертв не понесли бы. Ибо зачем пошли бы казаки в Россию, например, в Воронежскую губернию? Лапти там плести? И вот, зная отлично такое казачье настроение, наши „вожди“ нас обманывали и звали нас идти спасать Каз-во, в душе думая о России. Мы же, по простоте душевной поверив им, пошли за ними. Вышло же так: мы за атаманами, а они от нас. Мы на фронт, а они в тыл. Ма за ними, а они в Константинополь. Мы вслед за ними, а они уже в Париж. Нельзя было за ними поспеть. Наконец то мы настигли их в Париже, откуда им уже некуда было бежать, и поспешили к своим атаманам за словом утешения, за атаманской помощью, а они — хлоп дверью перед нашим носом и твердо уселись на сундуках с валютами. И так наши пути с ними все время расходятся. Мы здесь на заводы, а они на свои балы, отсюда на свои собственные виллы, „честным трудом“ приобретенные...

Так что же нам делать? — Бросить их и идти самим по своему казачьему пути, идти освобождать свое многострадальное Каз-во, строить его новую, свободную жизнь. Быть кузнецами своего счастья!..

— Затем слово предоставляется представителю журнала „ВК“ в Париже Ш. Н. Балинову, который говорит следующее:

— Я, как представитель журнала „ВК“, прежде всего хочу выразить свою глубокую признательность докладчикам за их отличные по форме, богатые по содержанию доклады, давшие пытливым казачьей душе много духовной пищи. По существу выслушанных сегодня докладов мне, как вольному казаку, говорить почти нечего, разве что можно было бы добавить кое-что к той страшной кровавой картине расправы с Каз-вом, которую нарисовали сегодня докладчики. Но я сегодня этого делать не буду, ибо собрание наше затянулось, аудитория утомлена.

Хочу отметить один примечательный факт. Наше собрание открыто для всех, о нем знают все; каждый казак имеет возможность придти сюда, спорить с нами, доказывать нашу неправоту, отстаивать свою. Но никто из наших т. н. видных противников не пришел сюда. Не пришли они не потому, что считают вольно-казачье движение не заслуживающим внимания серьезных людей. Что об этом говорить, когда „сам“ ген. Деникин вместе с „самим“ Харламовым на страницах

„самих“ „ПН“ стали в последнее время посвящать нам целые подвалы! Не пришли они сюда только потому, что они боятся свободного соприкосновения с казачьей народной массой, считают ее собранием серых скотинок, которым можно только издали приказывать...

Но мы знаем, что сегодня на нашем собрании присутствуют представители наших противников, но они молчат, не смеют выступить перед казачьей аудиторией, поведать нам, что они думают о трагической судьбе Каз-ва, рассказать нам, о чем болеет их казачья душа. Надо полагать, что они мало о чем думают, кроме улавливания желаний своих начальств, что души их вполне удовлетворены тем, что есть...

Между тем, эти же самые наши противники при уличных встречах имеют наглость упрекать нас и говорить нам: почему вы не собираете открытые собрания, почему вы туда не приглашаете всех казаков и со всеми по казачьи честно беседовать по большим казачьим вопросам?

Все знают, что сегодняшнее собрание — не первое собрание самостийников. Они очень часто устраивают открытые и публичные собрания, куда всегда приглашаются все желающие казаки. На них читают доклады по всем казачьим вопросам, на темы исторические, политические и хозяйственные, происходят непринужденные собеседования, обмен мнений. На этих собраниях вольные казаки откровенно, выговаривая до последнего слова, излагают то, что они думают, о чем болит их душа, к чему они стремятся. Широко и глубоко разворачивают они свою казачью программу, обращаются ко всем казакам не спать, не дремать, а постоянно шевелить своими мозгами...

Но наши казачьи противники от такой встречи уклоняются, ибо им невыгодно при дневном свете, перед честной казачьей публикой с нами встречаться, встречаться без заранее поставленных и принятых казаками условий: уважать „авторитет“, молча хлопая ушами, чтобы не оскорбить высочайших особ!

Наши противники на такие собрания не приходят, а если приходят, то молчат, как сегодня. Предпочитают иметь дело с казаками за глаза, приказывать им, не показываясь. Впрочем, нужно отметить, что „пожизненный“ атаман Богаевский выбрал один способ показываться казакам, установил свою „атаманскую“ традицию. Это устраивать один раз в год бал. В этой его традиции отчетливо обнаруживается взгляд Богаевского на казаков: подалеже держитесь, казаки, от политической не мучьте себя работой мозга, не думайте о тяжелой доле Каз-ва, молчите и слушайтесь меня, а вот один раз в год приходите на вечерок и под моим „почетным председательством“ продрыгайте ногами до утра, на последние копейки пейте, гуляйте. С Вас вполне достаточно этого, а все остальное предоставьте мне!

Вот как раз сегодня, когда мы собрались здесь поговорить о тяжелой доле Казачества, Богаевский демонстративно собирает представителей казачьих „организаций“ в Париже для обсуждения — как выполнить „бальную традицию“, как и где провести казакам ночку темную в пляске...

Значит, так и запишем: наши казачьи противники умышленно уклоняются от встречи с нами перед казачьей аудиторией. С этого времени ни один честный казак не смеет нас упрекать в том, что мы не собираем собрания, что мы уклоняемся от публичного спора на идеологическую тему. Впредь и мы возьмем себе за строгое правило — не искать с ними встречи, а идти неуклонно вперед по раз избранному нами определенному пути, по пути ВК, не оглядываясь по сторонам. Темные переулки и их зигзаги предоставим их любителям...

Еще два-три замечания. Наши обанкротившиеся „вожди“ вольно-казачью идею считают фантазией... Нашу ссылку на далекую историю, на Донскую государственную конституцию, на присягу, данную всеми нами перед Господом Богом служить верой и правдой „Всеволокому Войску Донскому, своему Отечеству“, считают детским лепетом, ибо по их мнению, они конституцию создали на время, ровно до тех пор, когда надоест им эта „игра“, а произнося клятву перед Св. Евангелием,

целюя Св. Крест, в душе, мол, повторяли: „временно, временно“. Так „обезоружив“ нас, эти „вожди“ любят ссылаться на свои собственные „авторитетные“ слова, когда то ими сказанные, на разные указы, декларации Круга, на приказы Атаманов, где имеется хоть одно слово о единстве России. Утверждают, что не Конституция, не присяга важны, а важны именно эти их заявления.

Само собой разумеется, для нас определяющим нашу политическую линию поведения фактором являются те положения, так ясно выраженные в наших Основных Законах и та присяга-клятва, что мы все дали. Но и мы не прочь последовать за этими „вождями“, вместе с ними перелистать страницы этих самых деклараций, указов. Если они стараются искать и находить слова в свою пользу, то и мы с’умеем там найти положения, утверждающие нашу позицию. Так что в этих декларациях каждый может находить то, что ему нужно, ибо они не есть основные, неизменные законы, а заявления, делавшиеся сообразно часто менявшейся политической обстановки того бурного времени.

Возьмем, например, декларацию Войскового Круга от 4 февраля 1919 г. В ней мы, между прочим, прочитаем вот что: „Войсковой Круг обращает свое слово к тем бойцам, которые героически боролись за целостность родного Дона, за своей родной угод, никогда не шатались духом и стойко держатся поныне, веря в правое дело казачества... Войсковой Круг выражает твердую уверенность, что в грозный и ответственный нынешний час родные защитники приложат все усилия для выполнения единой задачи, высокой и святой — для ограждения чести Дона, для защиты достоинства имени казачьего“.

Как видите, мы, самостийники, слушаясь приказа Круга, в меру наших скромных сил и возможностей, пытаемся „оградить честь Дона“, всего многострадального Каз-ва, „защищать достоинство имени казачьего“, выполнить задачу „высокую и святую“!

Или возьмем приказ Донского Атамана от 3 сентября 1918 г. В нем между прочим, ясно и определенно дается ответ на вопрос — за что боролись казаки? В этом атаманском приказе читаем: „Вопрос, за что мы боремся, мне думается, совершенно излишним. Мы боремся за свою землю, за право свободно жить и дышать“.

Так вот, руководствуясь приказом Донского Атамана, мы, самостийники, ни одной минуты не сомневаемся, знаем, за что боролись и борется Каз-во. Мы боремся за свою землю, за право свободно жить и дышать!

Так думая, мы, вольные казаки, подняли знамя ВК и боремся за казачье право — быть самому себе хозяином. Задача чрезвычайно трудная, но мы верим, что дождемся желанного дня свободы Каз-ва!

В заключение еще раз приношу свою искреннюю благодарность нашим гостям за их правдивое казачье слово, слово которое лишней раз укрепит веру вольных казаков, сомневающихся приведет к нам, а в душу наших противников занесет зерно сомнения в своей правоте. Нам только этого и надо, ибо смысл всякой политической пропаганды именно заключается в этом...

— После этого заключительное слово произносят докладчики: В. И. Балабин и А. К. Ленивов.

Затем председатель собрания предоставляет слово полк. А. Т. Жукову, который, приветствуя докладчиков, говорит: — „Я вижу, что сегодняшний доклад вызвал у казаков полное удовлетворение. Я не собираюсь что либо добавить к докладу, ибо он ясен и исчерпывающ, но хочу лишь выразить свою благодарность нашим дорогим гостям — глубокоуважаемому Владимиру Ивановичу Балабину и Александру Константиновичу Ленивову. Наши докладчики — такие же рабочие, как и все вы, господа. Они вчера оторвались от станка, прибыли на наш праздник, который дотянулся до глубокой ночи, а сегодня, можно сказать совершенно не спавши, выступили с докладами и прямо отсюда, с доклада, спешат на вокзал, чтобы после бессонной ночи к завтра-

шнему утру успеть к началу работ. Это А. К. Ленивов завтра в 6 часов утра на Лионской фабрике должен будет давать сигнал к началу работ и, как угорелый, метаться от монометра котлов к радиатору машины и от радиатора к станку и еще куда-то, ибо он совмещает работу 4-х или 5-ти человек... А каково Вл. Ив. Балабину попевать за Алекс. Константиновичем! ведь ему 60 лет, а он не отстает и не отстанет; он нам говорит, что не остыла кровь казачья, но и мы сами вочию видим, как эта кровь в нем самом кипит с юношеским пылом. Будем следовать его примеру и твердо помнить, что люди, преданные душой Каз-ву, любящие всем сердцем, не взирая ни на бремя лет, ни на тяжести работы, всегда с’умеют найти время, всегда урвут от скудных средств гроши, чтобы честно послужить Каз-ву, делу спасения Родины.

Встанем же и выразим нашим гостям глубокую, сердечную благодарность за их труд, за их жертвенность.

Глубокоуважаемый Вл. Ив и Ал. Конст., примите от всех нас низкий казачий поклон. Дай Вам Бог сил и здоровья — послужить еще многие лета во славу Казачества!

Затем председатель собрания, М. М. Колесов, произносит краткое заключительное слово и от имени вольных казаков Парижского района выражает докладчикам глубокую благодарность.

На этом собрание заканчивается. Казаки медленно расходятся, делясь своими впечатлениями, шумно выражая благодарность докладчикам и резко отзываясь о „вождях“, которые только тем и занимаются, что устраивают балы и пускают темные слушки из-за угла, а на публичных собраниях и от честных встреч упорно уклоняются.

Представитель „ВК“ и группа вольных казаков на такси провожают докладчиков на Лионский вокзал и там, около вокзала, до отхода поезда, угощают гостей ужином, за которым шла оживленная беседа на разные казачьи темы.

Слава докладчикам! Слава Вольному Казачеству!

(Соб. кор.)

В Гренобле.

26 ноября прошлого года на собрании казаков г. Гренобля (Франция), в присутствии украинцев и других гостей, представителем „ВК“ в Южине Г. В. Балабиным был сделан доклад на тему „Революции 1905 и 1917 гг. и участие в них казаков“.

Доклад начался словами: Революция 1905 года застала нас, казаков, совершенно неподготовленными политически, а экономически почти нищими... Была объявлена мобилизация 2 и 3 очереди казачьих полков, каковая проходила планомерно. Никто не знал и не ведал, куда будут посланы казаки, на Дальний Восток или внутрь России...

С уходом глав семейств, семьи остались без работников, стали быстро разоряться и впадать в нищету, а кроме того, станичная администрация усердно старалась погасить долги казаков, ставших должниками общества. Для погашения долга продавалось движимое и недвижимое имущество; когда не хватало этого, продавали надельный пай казака. Семья оставалась на произвол судьбы, терпя нужду, голод, холод. А в то же время начальство старалось унизить казаков в глазах русских крестьян и рабочих...

Таким образом начальство достигло целей: казак сделал для себя „послушными“, а в глазах русского народа — опричниками...

Рознь среди казаков привела к тому, что казаки стали уходить домой или переходить на сторону крестьян и рабочих. Примерами могут служить многие факты того времени, так например: 1-й Донской казачий полк, стоявший в Москве, принимает участие в митингах, за что казаки и офицеры полка расплачиваются ссылкой в Сибирь; уходят сотни 3 Донского сводно-го полка из Воронежской губ.; 2 Лабинский полк из Грузии; Урупский полк бросает службу, идет домой; волнуются пластуны в Новороссийске; в Ростове на Дону местная команда отказывается идти на парад, а

идет на митинг; сотни 3-го Донского Ермака Тимофеевича полка за восстание в гор. Вильно отданы под суд и последствия суда были таковы, что некоторые жены и дети никогда больше не увидели своих мужей и отцов. Стали волноваться казаки в станицах, на станичных сборах составлялись приговора и направлялись в Государственную Думу; в них казаки просили об урегулировании казачьего вопроса; таких приговоров было направлено приблизительно 117.

После перерыва докладчик перешел к революции 1917 г. Обрисовал работы Круга Спасения Дона, живое участие в нем казаков и полное освобождение казачьих краев от русских большевиков. Точно указал на плохую деятельность Войсковых Атаманов и большой уклон их, Агаманов, к Москве.

Строго и правдиво критиковал анти-казачью политику Деникина, а также проявления насилия командованием Добрармии над Казачеством; о гибели 4-го Донского корпуса и отравлении ген. Мамонтова... А кто, дорогие станичники, помнит наше отступление на побережье Черного моря? Неужели можно забыть то, что мы пережили и перенесли? Я слышу и сегодня, как кровь наших братьев вопиет о мщении...

Доклад свой г. Балабин закончил раз'ездом казаков с Лемноса в Балканские страны.

Присутствующие на докладе казаки и украинцы сердечно благодарили г. Балабина за интересный доклад и просили делать чаще доклады. Здесь же просили станичника г. Балабина присутствовать на собрании 27 ноября, где происходили выборы станичного атамана и должностных лиц Вк станицы в г. Гренобле.

Привожу выписку из приговора № 1 станичного сбора имени полк. Мангатова станицы в Гренобле: „Мы, казаки, живущие в г. Гренобле (Франция), 26 ноября заслушав доклад представителя „ВК“ г. Балабина и узнав, что ВК стоит на верном истинном пути, говоря нашу казачью правду, стремясь освободить наши родные края от коммунистов и к созданию Казаккии, постановили: 1. Образовать в Гренобле В-казачью станицу имени Полковника Мангатова. 2. Всеми силами и средствами поддерживать ВК, стремясь скорей созвать Круг Спасения Казачества и через наших представителей заявить всему миру, чего мы хотим, а врагам прямо и открыто сказать: руки прочь от нашего родного народа! и 3. Выбранными оказались: станичным атаманом Куприян Ульянович Грошев, писарем Мангатова и помощником Б. Даков.

В заключение скажу: Дай Бог счастливого процветания новой станице. Все мы должны спешить под вольно-казачьи знамена.

Вольный казак И. С. Орехов.

Доклад полк. В. И. Балабина в гор. Лионе.

В пятницу 9-го декабря прошлого года в г. Лионе состоялся доклад полк. В. И. Балабина на тему „Казачий Путь“, организованный „Союзом В. К. (сепаратистов)“ в гор. Лионе. Как всегда, дед-Пугачевец в сильных и четких выражениях выявил слушателям суть доклада, заражая и их своим неподдельным энтузиазмом и горячей верой в светлое будущее Казачества. В частности, большое внимание приковало сообщение полк. В. И. Балабина о всех „махинациях“, кои были проделаны в отношении донской казны (денежная наличность, ценные бумаги, золотой и серебряный запас и т. д.) со стороны ген. Богаевского, г-на Мельникова и некоторых иных лиц. Очень важным фактом в деле установления „хищений“ из донской казны, является указание на то, что все контрольные книги, денежные документы, сведения о вкладах в иностранные банки — произведенные определенными лицами и т. д., оставшиеся после смерти Решетовского (государственного контролера Всевеликого Войска Донского) — без должного присмотра, ныне, благодаря трудам и энергии двух депутатов Донского Войскового Круга, систематизированы и укрыты в надежном безопасном месте. Надо полагать, что вышеуказанные документы в нужный момент будут опубликованы и вот тогда глазам всего Казачества раскроется вся денежная „панама“ учиненная б. казачьими правителями, а ныне владелцами банков, доходных домов, фирм и т. д. за границей...

После доклада состоялось чествование маститого дед-Пугачевца, который, несмотря на свой возраст, кипит энергией и горит желанием приложить все силы для спасения Казачества, отдавая для этого время и последнюю копейку, которую он с таким трудом зарабатывает в качестве чернорабочего на заводе. Честь и слава почтенному ратоборцу за Волю и Вольность казачью... (Соб. кор.).

Казаки в Каркасоне (Франция).

Сотрудник „В. К.“ Е. М. Якименко, по приглашению Общеказачьей Каркасонской станицы, 18 прошлого декабря прочитал доклад на тему: „Украина в свете русской литературы“.

Собрание открыл станичный атаман, донец Землянухин, который оповестил казаков, что правление пригласило г. Е. М. Якименко прочитать доклад, и затем предоставил слово докладчику. Небольшой, но интересный доклад был выслушан с большим вниманием.

Сам по себе доклад был основан на литературных произведениях и прения политического характера исключал. Присутствующие казаки, высказывая благодарность докладчику, просили его сделать доклад по казачьему вопросу, в частности ознакомить детально с вольно-казачьим движением. Докладчик обещал.

Оппонентом на данном докладе выступил полковник Чумаков. Поучал всех о „собирании земли русской“, говорил об Украине, как о чем то никогда не существовавшем. Если, говорит полк. Чумаков, Украина и была, то только как временное государственное образование, и что такие явления, „временных государственных образований“ были и в наше время. Для примера указывает на Дон, которому в силу вынужденных обстоятельств пришлось стать самостоятельным, но „впредь до“.

В заключительном слове докладчик указал на те факты, когда государственность Украины не была временной как уверяет полк. Чумаков и в подтверждение читает опять выдержки из своего доклада.

— Нам, казакам, говорит докладчик, неизвестно, почему некоторые уверяют, что Донская государственность имела временный характер. В конституции об этом ни слова. „Дон есть самостоятельное государство, основанное на началах народоправства“... и... точка. Никакого „впредь до“ в конституции нет.

Ответы, данные докладчиком полк. Чумакову, вполне удовлетворили казаков. Сбор еще раз благодарит докладчика и просит сделать доклад на казачью тему. 19-ХІІ-32 г. Каркасон. (Соб. кор.).

В Тулузе.

Милостивый Государь, г-н Редактор!

Не откажите в любезности поместить в журнале „В. К.“ обращение к казакам инициативной группы и объявление следующего содержания:

Вольно-казачья группа в гор. Тулузе приглашает казаков всех казачих Войск, проживающих в гор. Тулузе, ее окрестностях и смежных ей департаментов, пожаловать 13 января с. г. в 8 час. вечера в кафе Гласе, плац Дю-Пеи, для обсуждения вопросов по организации районного Вольно-казачьего хутора. Не имеющих возможности приехать по каким либо причинам, но желающих вступить членами хутора, просим прислать свое согласие и передать свой голос кому-либо из своих знакомых, или председателю группы.

Председатель группы: есаул Курило
Секретарь: вахм. Крипушин.

В Белграде.

В Белградской Обще-Казачьей станице 20 декабря прошлого года состоялись перевыборы станичного правления. Тайным голосованием избраны:

Атаманом ст-цы Н. Ф. Букин; помощником атамана К. Н. Поликарпов; станичным писарем И. И. Александрин; казначеем Д. М. Недождогин; председателем рев. ком. Ф. Н. Денисов и член. рев. ком. Н. М. Дмитренко.

Судебный процесс в Белграде.

16 декабря было продолжение слушания дела, о котором мы сообщали в № 118.

Задолго до начала заседания в вестибюле суда было много публики, привлеченной интересом к этому делу.

В 9 часов 20 минут начался процесс.

Перед этим была сделана проверка всех прибывших участников. Отсутствовал свидетель Федор Бирюков со стороны А. Протопопова. Присутствовали: ген. Данилов, полк. Недбаевский, П. Поляков, Б. Кундюков, П. Мерзликин; свидетели: Устименко, Голобородько, полк. Есаулов и их адвокат г. Егдич. А. М. Протопопов, свидетели: М. Кацовский, полк. Бузун, штабс-капитан Сазонов, Чумак-Чумаковский, Зазорин, Ф. П. Дьяченко и адвокат г. Д. Попович.

Суд объявил, что первые полчаса стоят 80 динар, а остальные по 40 динар, — такса. Когда такса в размере 280 динар уплачена, всех свидетелей просят выйти.

Зала для публики наполняется местными казаками-представителями студенческой и Сидора Билого станицы, а также некоторыми русскими.

Суд: — Подсудимый, встаньте. Откуда вы родом?

Протопопов: Из России... Сейчас я — державлянин Югославии...

Суд: Вы наш державлянин?.. Ваша општина?

Протопопов: Лютомир, я — технический чиновник в Новом Саду. Имею жену и сына

Суд просит прочитать обвинительный акт. Адвокат Егдич читает. Это есть статья под псевдонимом „казак“ в газете „Русский Голос“ от 1-V-32 г.

Суд: Признаете ли себя виновным?..

Протопопов: Нет... Только некоторые выражения переведены не достаточно точно.

Суд: Вы подписались под ней?..

Протопопов: Нет, я только, как возглавитель русских казаков ее послал в редакцию газеты без подписи.

Суд: Слушайте вашу защиту.

— Недоучка это надо понимать, как неокончивший школы. Пражский Центр посылает своих людей, которые агитируют за сепаратистические идеи. Сбор был и инициатор его — Недбаевский. П. Поляков и Б. Кундюков в статье не были упомянуты и их обвиняемый не хотел обидеть. Все же написанное в статье относится не только к полк. Недбаевскому, но ко всей организации Вольноказачьего движения. Эта организация расчленяет Россию...

Тут адвокат Попович пред'являет журналы, но судьи его останавливают.

Протопопов: Я напечатал с той целью, чтобы об этом узнала Прага.

Суд: А вы послали вашу статью в Прагу, в журнал? Или вы отсюда предполагаете бороться с Прагой.

Протопопов: Все равно они ее бы не напечатали. Статья относится к Данилову, Недбаевскому и Мерзликину, последний из них — агитатор и назвал меня предателем. Это и заставило меня написать свою статью. Дело в том, что Центр в Праге послал трех своих представителей в Новый Сад...

Суд: — А вы получили приглашение на это собрание?..

Пр-ов: — Я его не получил, так как мы живем все равно, что кошка и пес...

Адвокат Егдич читает объявление, которое было послано полк. Есаулову. В этом объявлении указано четыре пункта, — на исторические темы и на положение зарубежного Казачества в эмиграции. Кроме того, он указывает на существенную разницу между политическим собранием и собеседованием

Суд: Имели ли студенты нелегальную литературу?..

Пр-ов: Я точно не знаю — был ли Поляков и Кундюков, а слышал, что был Мерзликин. Я думаю, что литература...

Суд: Тогда приступим к слушанию свидетелей.

Входит полк. П. Есаулов (куб.). Входя в залу, он снимает папаху и, опираясь на палку, отвечает по-русски на вопрос — может ли он говорить по-сербски: Лучше по-русски.

Зовется переводчица и слушание начинается.

Суд: Что вы знаете о том собрании, о его целях и назначении?

Есаулов: Да, я был на том собрании... Цель его была... Тут сказано... (хочет прочитать полученное им объявление).

Суд: Вы не читайте, скажите искренно все, что вы знаете.

Есаулов: Я пошел на собрание, где приехавшие студенты из Белграда должны были говорить с нами о прошлой и настоящей жизни казаков. Объявление было подписано Недбаевским, так как он был главный инициатор этого собрания и является официальным представителем казаков, поэтому я и пошел. Но когда я пришел — собрание еще не начиналось и мне сказали, что его не будет, так как нет письменного разрешения от полиции?

Суд: насило ли это политический характер?

Есаулов: Конечно нет!.. Сейчас всюду все ездят с докладами. Студенты хотели рассказать нам историю Казачества, а после сделать выводы из этого о будущем Казачества.

Суд: Что вы знаете еще?

Есаулов: Народу было много и я заметил в толпе двух дедективов. В газете не точно описано, что ген. Данилов был в Новом Саду — его наименование „Военным Министром Казакии“ — я в первый раз узнал из газеты „Русский Голос“, не видал, когда и кем была арестована литература, но книги видел. Когда полковник Недбаевский ушел в полицию объясняться, собравшиеся стали расходиться сами по себе.

Суд: В какой связи состоит Недбаевский и студенты с Прагой?

Есаулов: Я не знаю. Лично я — монархист, но я всегда читаю журнал „В. К.“ и там встречал их фамилии. Это совершенно не доказывает их связи с Центром, так как я — монархист, писал в Прагу письма, которые хотел, чтобы были напечатаны в журнале. Но они напечатаны не были.

Адвокат Попович: Ага... Прошу это обстоятельство отметить...

Есаулов: Мое мнение, что все, исключая генерала Данилова, сторонники В. К., но утверждать этого не могу.

Суд: Сколько всего организаций в Русской эмиграции?

Есаулов: Есть их очень много от правого до левого крыла.

Суд: А к которой принадлежат обвинители?..

Есаулов: По моему, к левой...

Суд: А могут быть они названы предателями?..

Есаулов: Нет. Так как Украина, Кавказ, Грузия и другие — тоже хотят отделиться...

Суд: А к какой группе принадлежит обвиняемый?..

Есаулов: Непредрешенец.

Пр-ов: Обще-Воинский Русский Союз!!! (с гордостью!!).

Из публики: А сам — югославянский подданный...

Тут адвокат Егдич показывает официальные списки казаков (112 человек) Станицы Атамана Челиги в Новом Саду полков. Недбаевского и говорит:

— Вот официальный документ!..

Протопопов: Это список мертвых душ...

Суд: Как вы думаете, генерал Данилов — сепаратист?..

Есаулов: Нет...

Адвокат Попович (протоколисту). Запишите — все самостийники!!!

Ген. Данилов: Извините, г. адвокат, не вы говорите, а свидетель...

Суд интересуется — какие станицы есть в Новом Саду, — их четыре: Легитимная — Бузун, О. В. Р. Союз — Протопопов, Филимонова — полк. Есаулов — полк. Недбаевский...

Суд: Какие официальные?..

Есаулов: Все, кроме моей...

Суд объявляет перерыв на пять минут. Потом продолжается допрос свидетелей.

Свидетель Иван Устименко. Старый казак-кубанец. Я политикой мало занимаюсь. Но прочитав объявление,

которое было вывешено в столовой, пошел послушать, так как собрание должно быть не политическое, а историческое, а это нам очень полезно, так как мы не знаем историю своего Казачества. Видел двух детективов и ушел с собрания, когда сказали, что его не будет. Утверждаю, что генерала Данилова не было в Новом Саду, а он был в Нише.

Протопопов: Устименко — самостийник, сепаратист!..

Судья: Да кто вас разберет...

В зале смех...

Следующий свидетель Голобородько Георгий, казак куб. Тоже вопросы и ответы:

Суд: Кто собрал сбор?

Голобородько: Атаман наш!..

Протопопов: Он себя открыто называет нерусским!

Суд: Вы кто?..

Гол-дько: Я — казак!

Суд: Но вы русский... Какой казак — русский?!

Гол-дько: Я — казак.

Суд: Да, но откуда?..

Гол-дько: Я — казак из бывшей России. А теперь я ее не признаю, так как она — советская.

Егдич: Приходила ли полиция и отбирала ли документы у приехавших из Белграда...

Гол-дько: Приходила, но документов не отбирала!..

Говорили, что ввиду отсутствия письменного разрешения, надо расходиться.

Суд: Читаете ли вы „В. К.“?

Гол-дько: Да, читаю!..

Этим окончено слушание свидетелей со стороны обвинителей. Начинается допрос свидетелей обвиняемого.

Михаил Кацовский, русский.

— Есть много организаций, неполитического характера, но я знаю, что самостийники хотят организовать свою державу, самостоятельную Казакию.

Суд: — Принадлежат ли эти пять человек к В. К.?

Кацовский: Слышал, что да, но утверждать не могу...

Сбор запретил господин Бан, так как я его секретарь и мне была передана арестованная литература с приказанием прочитать и сделать доклад Бану.

Суд: Откуда вы знаете, что эта литература была арестована?

Кацовский: Слышал, что была группа лиц, которая предполагала сделать собрание и что у них это было отобрано.

Ад. Егдич: Литературу эту никто не отбирал, так как это есть произведения Полякова и Кундрюцкова и сборник песен полк. Кадушкина. И в них политического ничего нет и казаки с удовольствием покупали. (спрашивает Устименко и Голобородько, те отвечают, что покупали).

Кацовский: Да, но эти книги совсем не так уж ценны. И если бы вы прочли вот эту (разворачивает „Казака Гаморкина“), то вы бы нашли здесь много кое-чего... (пытается найти „опасные“ места, но не находит, а вытаскивает брошюру: Мы — казаки к казакам). Вот и это было вложено...

Ад. Егдич: Это неправда... Это подлог... Устименко, было ли это у Вас, когда вы покупали книгу?..

Устименко: Нет, этого не было вложено.

Ад. Егдич: — Это такой-же подлог, как и сделанное вами удостоверение в том, что полиция сбор разогнала, а Недбаевского увела с собой, которое вы стилизовали в полиции... Жалко, что отсутствует полицейский чиновник, а то бы я потребовал от него клятвы и уличил вас.

Суд: Слышали-ли вы, что генерала Данилова зовут „военный министр Казакии“?

Кацовский: Да слышал!

Суд: Откуда?

Каповский: От Протопопова!..

В зале хохот...

Следующий свидетель входит — атаман легитимной станицы — иногородний Куб. Обл. — Бузун Петр, полковник. Суд просит рассказать о казачьих организациях.

Бузун: Прежде была одна организация, признающая Войскового Атамана Науменко, но потом в широкую массу Казачества из-за границы проникла и

распространилась идея самостийников, которая из одной станицы сделала четыре. Стремление казаков националистов — сделать самостоятельное государство — Казакию.

Суд: Называете ли вы „предательской“ деятельность самостийников?

Бузун: Я считаю, что Россия опять должна быть неделимой, а ее деление я считаю предательством.

Суд: Кто принадлежит к этой организации?..

Бузун: Недбаевский и эти трое, они исповедуют одну и ту же идею!

Суд: Слышали ли вы, что генерала Данилова называют „воен. министром“?

Бузун: Да, слышал! Его называют в шутку... Также и меня называют — „военным председателем легитимистов“...

Суд: Откуда вы знаете, что Недбаевский сепаратист?

Бузун: С его слов... На одном собрании он говорил, что он республиканец-националист. Генерал Данилов, конечно, имеет связь с Недбаевским, так как раньше была одна станица, затем стало четыре. Все ушли, а он, Данилов, остался и сейчас — почетный казак.

Суд: А кто такой Протопопов?

Бузун: Он казак — власть Кирилла не признает!.. Из толпы: ... А принял югославянское подданство...

После этого Бузун ищет с суда убытки — 143 дин.

Другой свидетель входит в пенсне на тонком носу, подвижной и разговорчивый. Штабс-капитан Сазонов, иногородний Терской Обл. На просьбу суда длинно рассказывает о существующих организациях в Новом Саду. Их, по его мнению три, а четвертая организация — В. К.

Сазонов: Она давно уже существует, Центр ее в Праге... Они не признают Россию. Они считают себя потомками хазар... а не русских.

Судья: А Тарас Бульба был казак?..

Сазонов: Да...

Судья: Русский?

Сазонов: Да, русский!!

— В публике спор, одни с мест утверждают, что он украинец, другие — запорожец, третьи — русский...

Суд: Откуда вы знаете, что Недбаевский принадлежит к этой организации?

Сазонов: Он всюду это подчеркивает и распространяет литературу В. К.

Суд: Считаете ли вы их „предателями“?

Сазонов: Я так называю каждого, кто мыслит иначе, чем я... Я — легитимист!

Егдич: В станице больше ста человек — они все самостийники, по вашему?

Сазонов: Там нет ста человек, а кто есть, те самостийники!

Суд: А. Протопопов?..

Сазонов: Он — непредрешенец!..

Протопопов: Я состою в Обще-Воинском Русском Союзе. Представитель его здесь, в Белграде, полковник Базаревич.

Штабс-капитан Сазонов ищет убытки — 148 динар.

Свидетель Александр Чумак-Чумаковский приписной Куб. Обл. (знакомый многим по Кубанской дивизии).

Суд: Вы казак?..

Ч. Чум-ский: Я — не казак, но приписной!!.

Суд (смеясь): Это что-то новое...

Ч. Чумаковский: Я был послан на сбор Протопоповым послушать, что там будет говориться, но сбора не было, книг не видал, арестованных тоже, лишь Недбаевский стоял с детективом. Я посмотрел и ушел, и все это рассказал Протопопову.

Суд: А почему вы пошли на собрание, если не согласны с ними и они ваши противники, а не посоветывали Протопопову пойти самому понаблюдать?.. Считаете ли вы их „предателями“?

Ч. Чумаковский: Они хотят отделить целую область... Это есть — предательство.

Суд: Ну, а если вы на улице назовете кого-нибудь „предателем“, обидится ли он на это?..

Ч.Ч-ский: Наверное!..

Суд: А если вас назовут так?..

Ч. Ч-ский: Если бы я был на их месте, то не обиделся!!.

Судья: Сепаратизм не есть измена, они ведь могут так думать и ошибаться, считая себя правыми...

Суд: Что было дальше?..

Ч. Ч-ский: Я пошел с Протопоповым на другой сбор., где один полковник читал о Дальнем Востоке.

Суд: Так значит был еще один сбор?.. Зачем же вы пошли к противникам!

Ч. Ч-ский: Послушать...

Суд: Принадлежат ли все к организации сепаратистов?

Ч. Ч-ский: Принадлежат все, исключая Данилова. Знаю я это по их литературе.

Суд: Кого вы видели на сборе?

Ч. Ч-ский: Недбаевского и вот этого... Мерзликина! (показывает на Полякова).

П. Поляков доказывает, что он Поляков, а не Мерзликин...

В зале смех.

148 Чумаков-Чумаковский то-же ищет с суда издержки —

Свидетель Степан Зазорин, Оренбургского К. В.

Суд: Знаете ли вы их?..

Зазорин: Всех!!!

Суд: Кого видели на сборе?

Зазорин: Недбаевского и вот этого! (Мерзликина).

Суд: Расскажите о жизни в Новом Саду?..

Зазорин: До сих пор мы жили хорошо... А сейчас мы противники... Политические противники. Я — О. В. Р. Союза, признаю генерала Науменко.

Суд: А где он сейчас?

Зазорин: (смущаясь) Бог его знает, где он!.. Бывает в Скопье!.. Считаю их предателями. Недбаевский распространяет литературу...

Суд: Слышали ли вы, как называют Данилова? И шутка ли это?

Зазорин: Да, его называют социалистический военный министр... (в публике хохот). И это не шутка, так как он от этого не отказывается... На сбор я был послан Протопоповым.

Суд: А как вас пустили? И откуда вы знаете, что там должны были говорить о политике?

Зазорин: Они же самостийники!!!

Суд: Зачем вы пошли на сбор?..

Зазорин: Начальник меня послал! (указывает на Протопопова, вытягиваясь в струнку).

Суд: Можете ли вы во всем поклясться, что сказали?

Зазорин: Да. Данилова называют — я слышал... Во всем готов поклясться

Ад. Попович: Они все вместе эмигрировали и должны быть все монархистами одной России.

Зазорин ищет издержки — 143 динара.

Ад. Попович предлагает судьям опросить еще одного свидетеля, так как он был исключен из станицы Недбаевского за то, что не разделял их убеждения и был сам монархистом.

Суд: Позовите его.

Входит кубанский казак — Фотий Прохорович Дьяченко.

Суд: Знаете ли вы обвинителей?

Дьяченко: Да, знаю. Так как год тому назад я был с полк. Недбаевским в одной станице, но потом нас около 30 человек, неразделяющих убеждений Недбаевского, вышли из станицы.

Суд: Значит вы сами ушли.

Дьяченко: Да сами, а потом они написали, что нас исключили!

Ад. Попович при словах „сами ушли“ краснеет до ушей.

Суд: Так это было политическое несогласие...

Дьяченко: Да! Они — делят Россию. Я знаю и готов во всем поклясться!

Суд читает документы. Первое — удостоверение Управы Новосадской полиции полковнику Недбаевскому от 30-го июля с. г. 24.310, что он морально положительный и порядочный человек, хорошего поведения, и что им был устроен сбор, но властями своевременно был запрещен за не имением разрешения письменного; в полицию он пришел сам и никто его не арестовывал. Второе — удостоверение Новосадской Полиции № 17.492, полученное Протопоповым. Содержание: сбор был разогнан, а Недбаевский отведен в полицию. Третье — От Союза Русских Студентов Белградского университета постановление: На основании решения всех факультетских кружков студент Мерзликин был исключен из Союза за самостийность!

Ад. Попович просит перевести статью П. Мерзликина из „ВК“ стр. 22, 24 и 25 инф. о Новом Саде.

Ад. Егдич — против этого.

Суд зовет переводчика. Переводится следующее место: фразы о рус. казаках: Руки их по локоть в крови... Они повесили Кулабухова, убили Рябовола...

Судьи: Кто эти люди?

Из публики: Народные посланники!.. Правильно!.. Точно!.. Они рус. казаки виновники...

Читается дальше: Протопопов — темная личность!.. Потом характеристика г. г. „русских казаков“... Ре-чи разговор Мерзликина.

По окончании читки суд объявляет перерыв на 10 минут.

В коридоре идут горячие споры. Ген. Данилов уличает Фотия Дьяченко, ссылаясь на свидетельство Устименко, в неоднократной лжи, а адвокат Попович, защитник Протопопова, говорит Мерзликину на его замечание:

— Вы, г. адвокат, делаете ошибку, защищая их, так как вы не знаете нашей казачьей истории... а они вам все равно правды не скажут...

Ад. Попович: Поймите, что я их защищаю по долгу защиты, но я сам за разделение (цепанье) и самоопределение народов.

На возглас Б. Кундрюцкого: При чем тут легитимисты — свидетели... во главе со своим „атаманом“?.. Штабс-капитан Сазонов отвечает:

— Потому, что у нас общий интерес — убить самостийников!!.

П. Поляков: Чем дальше будете бороться, тем вам будет трудней.

Б. Кундрюцкий: Убить вы нас не сможете, потому что у вас нет вашего оружия — своего государства...

Сазонов: И у вас нет!.. А мы бы тогда с вами и не разговаривали, а просто всех перевешали...

Б. Кундрюцкий: У нас нет, но будет!.. А будет ли у нас... спросите у большевиков — они вам ответят!

На вопрос, заданный Протопопову: — Писали ли вы эту статью? он говорит: — Не писал, но подписал...

Казаки: потому русские нас и бьют, что стравят, казаков, а сами спрячутся за чужие спины! В данном случае — за вашу!

В коридорах смех и жгучие споры... Наличие жандармов держит всех в рамках приличия, но обмен мнений вполне откровенен и искренен. Записать всего

Несмотря на то, что в свое время мы уже заявили на страницах „ВК“, что не будем отвечать больше „Казачьему Набату“, последний продолжает свою „линию“, ярким примером чему является номер 6 (от 1 сего января), мы, не изменяя своего решения, что касается полемики с „К. Н.“, не можем пройти мимо последнего его номера и подали через одного из пражских адвокатов жалобу в суд на ответственного редактора „К. Н.“ г. Иосифа Швиглу и автора статьи „Самостийничество есть казачий большевизм“ г-на Г. Чапчикова за ложь, клевету и оскорбление в печати.

просто нет физической возможности. Перерыв кончается. Все идут на свои места!

Суд объявляет, что ввиду того, что окончилось служебное время (второй час дня) процесс переносится на 22 декабря.

22 декабря опять наполнилась публикой судебная зала. На этот раз поражало присутствие многих журналистов и художников, которые записывали буквально все и рисовали всех участников процесса. Отсутствовал лишь Петр Мерзликин, который держал колоквиум.

Когда было открыто заседание, г. адвокат Попович обратился к суду с просьбой рассмотреть связь обвинителей с организацией В. К. в Праге. Просит просмотреть и перевести фельетоны П. Полякова и показывает несколько номеров „Кавказского Казака“, указывая особенно на характеристику Б. Кундрюцкова и П. Полякова.

Судьи прибегают к переводчице, роль которой исполняет Ксения Климентова.

Попович: Тут сообщается, что они „вечные“ студенты и не записаны в университет.

Выдержка из „К. К.“: „Оба считают себя студентами, но никогда не посещают лекций и даже не записаны в университет... Они — вечные студенты...“

Судьи: Кто вы такой?..

П. Поляков: Я абсолютент!..

Б. Кундрюцков: Я себя и не считаю за студента, так как являюсь журналистом и семь лет занимаюсь литературным трудом. Доказательством же того, что я не „неуч“, привожу аттестат зрелости и нострификацию Загребского университета, где я окончил семь семестров со всеми необходимыми экзаменами.

Попович: А генерал Данилов, конечно, имеет связь с В. К.

Данилов: Откуда вы это заключили?

Попович: Ведь они же были у вас на квартире!..

Данилов: Нет, не были. Гг. судьи. У нас, в Новом Саду вначале была большая казачья станица, которая доходила до 200 человек. Я тоже принимал участие в ее организации. Но вот к нам приехал г. Протопопов, который, желая играть роль атамана и пользуясь тем, что он надсмотрщик на железной дороге, стал устраивать казаков на работы, зазывая их этим в свой лагерь и организуя около себя группу, которую он сейчас и возглавил. Кроме того, он пыгается опереться на русские круги и слить казаков с ними, но казаки не могут пойти на такое слияние, так как русская эмиграция разбилась на бесчисленное количество партий.

Суд: А что такое Обще Воинский Русский Союз? Ведь, кажется, Протопопов принадлежит к нему.

Данилов: Это тоже русские монархисты, только без определенной программы и надейщиеся на волю русского народа, который выскажется в желательном для них направлении. Гг. судьи — все русские партии стремятся привлечь, всеми правдами и неправдами на свою сторону казаков, так как они есть единственная реальная сила в будущей борьбе с большевиками. Я лично оскорблен не только как Данилов, но и как генерал и казачья старшина. Он хотел меня очернить, чтобы все называли меня „предателем“. Вот почему я не могу с ним помириться, да я на это не имею и никакого права.

Адв. С. Егдич: Гг судьи. Личность г. Протопопова достойна того, чтобы ее осветить со всех сторон. Кто он? На первом суде он плакал, говоря, что поступает, как русский националист, а на самом деле, например, в Субботице он разделил казачью станицу; когда же он приехал в Новый Сад, то мы получили много писем, которые нас предупреждали относительно его особы. В них говорилось даже о том, что его надо беречься. А его клевета в адрес генерала Данилова показатель того, что он не питает уважения даже к старшим по чинам и годам. Когда он приехал в Новый Сад, то стал организовывать свою станицу, тем самым дробя существующую, делая этим в казачьей жизни беспорядок, кроме всего этого, он прибег к помощи печати и стал

писать в русских газетах, подрывая авторитет казачьих старшин. Ведь он принял наше подданство, как ни как, в тяжелое время для России он ушел в чужое подданство и вот таким то имя не „русских националистов“, а изменников, несмотря на то, повторяю, в какое подданство он бы ни перешел. Теперь он наш подданный, а мешается в русские дела — ведь и это тоже можно назвать изменой уже в отношении нас, югославян. Он написал, что Данилов принимал студентов, на самом деле вот документ, что Данилов был в отлучке. Протопопов называет его самостоятельным министром, этого человека непричастного к политике. Да и на каком основании? — без всяких документов. Ясно, что этим он иронизирует над старым человеком. Можно терпеть всякие издевательства, но такое пропустить совершенно нельзя. Он судится поэтому и требует 10.000 динар в пользу бедных детей.

Теперь о Недбаевском. Говорят, что он собрал неразрешенное, нелегальное собрание, а ведь это, гг. судьи, было их казачье внутреннее дело, а на такие собрания разрешения и не надо. Хочу остановить ваше внимание на том документе, который представил Протопопов от полиции. Когда же мы с Недбаевским доставали настоящий документ, нам его не могли выдать в течении трех месяцев и, мне известно, что шесть раз исправлялась редакция того документа, который получил, наконец, г. Недбаевский. История документа Протопопова такова: г. Кацовский стилизовал бумагу и дал подписать. Так как он занимал довольно известный пост у Бана, то ему не могли не верить и подписали. Она была составлена без Бана. Когда же я и Недбаевский на основании того, что дело идет в суд, законным путем доставали документ — все были поставлены в затруднение. Я жалею, что здесь нет никого от полиции, а также всех тех, чье доверие обманули противники г. Недбаевского. Этих лиц я заставил бы принести клятву и все дело выяснилось бы.

О Мерзликине, Кундрюцкове и Полякове. Раз этот журнал у нас разрешен, они могут в нем писать и винить их в этом нельзя. А недоучки, это не особенно лестный эпитет, и не такое безобидное слово, как пытается представить его Протопопов и его защитник. А что эти люди до сих пор еще студенты — в этом ничего особенного нет. И у нас многие чуть ли не по двадцать лет сидели в университете, а какие из них выходили деловые люди! Если же обратить внимание на несколько известных сейчас деятелей в других державах, то многие занимают наивысшие посты в среде своих народов... (приводит примеры).

Кундрюцков и Поляков пишут книги. А ведь на это не всякий способен. Я уважаю таких людей. Несмотря на то, что я окончил университет и сдал адвокатский экзамен, я не написал ни одной книги и был бы доволен, если бы умел их писать... Кундрюцков живет от литературных трудов и своей статьей пытаюсь набросить тень на его произведения, Протопопов лишает его куска хлеба и заработка, так как никто не будет после этого покупать его книги. Вот и их документы, где видно, что они много учились и не могут считаться неучами и необразованными людьми.

Разве же освещение и знакомство казаков с их историей есть агитация и злостная политика?.. Это глубоко неверно. Я прошу осудить Протопопова и назначить ему наказание и за этих молодых людей.

Адв. Попович: Здесь нарисовали такую картину, что куда только не придет Протопопов, всюду он все разрушает. Кто из нас, югославян, знает о внутренней жизни казаков? Я сделал анкету и я вам должен осветить все. Вот как мы жили в Австро-Венгрии и защищали ее от турок, так и казаки, живя на границах русского государства, защищали его от соседних врагов. Это были целые военные поселения. Они сжились вместе с русскими, вместе воевали с большевиками...

Данилов: Да, казаки все воевали, а русский много-миллионный народ дал лишь несколько несчастных тысяч бойцов нам в помощь...

Попович: А здесь, здесь они, разбившись на партии стали ссориться между собой и даже стремиться к со

зданию своего самостоятельного государства Казакии (показывает журнал ВК и карту на нем). Они говорят, что старое положение вещей никуда не годится и проповедуют новый порядок, добавляя, что они не русские, а казаки... Вот эти студенты были в Новом Саду и говорили с ген. Шкуро...

Из публикации: Был только один — Мерзлякин!..

Попович: ... что они самостийники... А Протопопов — представитель Обще-Воинского Русского Союза... Это совсем другое... Здесь было прочитано, что его задели на страницах „В.К.“ и он должен был ответить как-то на это. Должен был реагировать. Это был удар на удар!.. Око за око, зуб за руб... Суд должен его освободить от наказания. Раз Недбаевский атаман станицы самостийников, а в нее входит ген. Данилов, то и тут вина Протопопова мала и я прошу суд его освободить и в этом случае.

Самостийная работа известна всем... это сказал свидетель Есаулов и вот вы сами видели из журнала „Кавказский Казак“, как с ними борются все. Протопопов назвал их предателями. Все они — русские и пришли вместе, а теперь некоторые ведут усиленную пропаганду — отделить от России совсем свои казачьи земли и создать Казакию. И даже многие свидетели называли их работу — изменой. И это с русской точки зрения вполне природно. Может быть их кто нибудь встретил и отвел на квартиру к ген. Данилову, этих студентов. Так что в этом случае тоже может клеветы не быть...

А какая-же клевета в слове „агитатор“ или „инициатор“... Что, наконец, обидного в названии — недочетки? Их же в „К.К.“ называют „вечными студентами“. Потом, как я говорил, Данилов с ними, в их станице...

Протопопов: Это их приятель!!.

Данилов: С некоторыми я познакомился здесь только, в суде...

Попович: (читает статью о Новом Саде из „ВК“ и доходит до речи ген. Данилова). Он сказал: За Вольную Кубань и великую Россию... Удивительно, как можно сочетать эти вещи — вольная Кубань и великая Россия. Ведь и здесь генерал Данилов очень искусно ведет свою политическую линию, держа нейтралитет и неопределенно выражаясь... Мой коллега, адвокат Егдич, говорил об измене Протопопова в связи с принятием нашего подданства. Что же тогда мы скажем о наших эмигрантах в Америке о г. Тесле и др., когда они заботятся о нас и нашем государстве?.. И мы их благодарим! Многие русские, видные люди, переходят в наше подданство и, называя Протопопова изменником, господин Егдич оскорбляет и всех их. Что сепаратисты предатели, это видно. Я прошу освободить Протопопова от всякого наказания; ведь, опять напоминаю, он был вызван на то, чтобы написать свою статью. Если-же вы найдете его виновным и будете наказывать, то помните, что это — бедный материально человек, весь израненный в боях за великую Россию, свою родину, что у него есть жена и ребенок, которые тоже пострадают от вашего наказания.

Слово подсудимого А. М. Протопопова: Они все самостийники. Генерал Данилов мог перейти в станицу к русским казакам, но он остался с ними. Вы не забывайте, что много генералов и офицеров находятся на службе у Г. П. У. и ведут подрывную работу среди русской эмиграции, дробя ее силы. Несколько тысяч их завербовано большевиками; вот сообщение об этом одной газеты, что 2.700 генералов находятся на такой тайной службе. Из этого видно, что генерал — не такой уже святой человек.

(Тут подбегает к нему адвокат Попович и делает усиленные знаки, чтобы Протопопов поскорее замолчал, так как в публике заметно возмущение и негодование).

Протопопов: Прошу вас, г.г. судьи, не наказывайте меня, так как от этого они, самостийники, еще больше усилятся и разовьют свою работу среди Казачества. Помните, что я один казачий атаман, который получил

от казаков в Субботице серебряную шашку. Если-же вы меня оправдаете, то тем самым отомстите за всех умерших и погибших русских, которые погибли за свою свободную родину Россию. (см. газ. Правду № 358)..

Суд объявляет перерыв и просит всех удалиться из залы суда.

В коридорах напряженное состояние всех без исключения, как русских, так и казаков. Все ждут решения суда и конца совещания судей.

Совещание это продолжается очень долго. Настолько долго, что ад. Попович говорит, что наибольшая казнь для Протопопова — это томительное и неопределенное ожидание решения своей участи. Тут, г. Протопопов, в разговорах, заявлял, что он — вольный казак (по своему, конечно) и что вовсе не он писал эту статью, что он страдает из „солидарности“ с авторами ее. Между прочим замечает, что у него адвокат бесплатный (кто-то значит платил г. Поповичу). Выясняется, что свидетель Дьяченко в отсутствие ген. Данилова приходил к нему на квартиру и выпытывал о том, что было. И даже сказал, что генералу лучше отказаться от процесса, так как они будут под присягой показывать даже то, чего не было, ввиду того, что надо убить самостийников. Выясняется и история с серебряной саблей!.. Корреспонденты делают рисунки и составляют записки для всех газет. Адв. Попович, подходя к Данилову и Недбаевскому, интересуется именем „Вольное Казачество“ и откуда оно произошло. Генерал Данилов ответил, что это слово существует издавна; когда даже казаки были в составе быв. России, то они пользовались такими правами, которых не было у других ста сорока различных народов, населяющих ее; и тогда они считали себя вольными и так назывались. Выходил орган „Вольный Казак“ и теперь даже „Кавказский Казак“ назывался раньше „Вольная Кубань“ и только потому, что вошли терцы, название было изменено.

Наконец напряжение разрешается после более чем часового совещания суда и все входят в зал.

Председатель суда читает:

По решению Окружного Суда и именем Его Величества Короля Югославии Александра I Суд нашел, что Алексей Протопопов — виновен и присудил его к десяти дням тюрьмы. Кроме того, он должен заплатить все расходы и таксу, всем свидетелям по 140 динар, генералу Данилову и полковнику Недбаевскому по 500 динар, Полякову, Кундрюцкову и Мерзлякину по 200 динар. Всего 3590 динар.

Среди казаков возгласы: Живео суд... Живео Югославия и Правда!!!

Ад Попович: Мы требуем ревизию процесса...

Протопопов: Ревизию...

(Соб. кор.).

Еще один.

Правление Вольно-казачьей Донской Селимиийской Свято-Николаевской станицы с прискорбием извещает, что ночью 6 под 7 октября с.г. скончался от аппендицита наш незабвенный гражданин и доверенный станицы приказный Порфенов в Матвей Борисович и похоронен на местном кладбище гор. Ески-Джумая.

Покойный станицы Краснощековской хутора Н.-Сергиевского 2-го Донского округа, родился 13/VIII 1873 года; постигла смерть его на 60 году жизни.

Хотелось ему, покойному, как и нам всем хочется вернуться живым и невредимым на Тихий Дон Иванович да еще с оружием в руках и с своими правами, но... но злая судьбина судила иначе, взяла да и оставила его на чужбине, далеко, далеко от любимой им Родины спать вечным сном меж чужих людей.

Да будет тебе наш дорогой друг, сослуживец и станичник легким пухом братская болгарская земля, тебя приютившая.

Вечная тебе память.

Станичный атаман; М. Туроверов;

помощник его: М. Гусаков; писарь: И. Кузнецов

Ложь „К. Н.“.

I.

Милостивый Государь г-н редактор!

Прочитав № 6 „Казачьего Набата“ и, обратив особенное внимание на фразы: „Но Казаки ... даже брненцы... всегда верные и смиренные... Как из дырявого мешка посыпались от них упреки Билому. — Периферия работает, а центр бездействует. Полный отрыв от казачьей массы. Необходимо подтянуть ее... заявили брненцы“, — заявляем, что все это — сплошная ложь.

Брненцы были и будут всегда верны подлинной казачьей программе, а что касается „смирненности“, можем г-на редактора „К. Н.“ заверить, что такие качества нам не присущи, хотя это и не мешает нам быть дисциплинированными вольными казаками.

Относительно же „упреков“ Билому, мы, все брненцы, присутствовавшие на празднике пятилетнего юбилея выхода в свет первого номера журнала „ВК“ еще раз заявляем, что г. Чапчиков лжет. Из нашей (брненской) среды с речью выступал инж. В. В. Карпушкин, в речи которого, каждый, прочитавший № 119 журнала „ВК“, никаких упреков в адрес г-на Билому не найдет, а наоборот встретится с благодарностью и признанием, выраженными редактору журнала „ВК“ И. А. Билому.

В заключение можем подчеркнуть, что ложь всегда бьет того, кто ею пользуется.

Заканчивая словами атамана Общеказачьей станицы на Словакии, Ив. Ив. Безуглова: „Наш кадр тверд и безкомпромисен“, смеем Вас, г-н редактор, уверить в совершенном почтении и уважении: *М. Карпушкина*, Инж. *В. Карпушкин*, инж. арх. *С. Медведев*, инж. к. *М. Запорожец*, инж. к. *Мосев*.

На празднике не присутствовал, но к настоящему письму присоединяюсь: инж. *А. Алейников*.
г. Брно, 6 января 1933 г.

II.

Милостивый Государь, г-н Редактор!

В 6 номере „Казачьего Набата“ (от 1-1-1933.) в статье редактора его г. Чапчикова имеются следующие выражения:

1. „Были выписаны „все, все“ из Брна и Братиславы“,
2. „Еще более резко эту же мысль подчеркнул представитель Братиславы А. Персидсков“...

Настоящим заявляем во всеуслышание, что господин Чапчиков лжет, ибо

1. Мы, Братиславцы, действительно получили от редакции „ВК“ приглашение пожаловать в Прагу 10 декабря на редакционный чай, но, к большому нашему

сожалению, никто из нас из-за стесненного материального положения в настоящий момент не мог воспользоваться тем приглашением и в Праге 10 декабря не был, и

2. Господин А. Персидсков никоим образом не являлся и не является представителем вольных казаков из Братиславы, а наоборот уже исключен ими из своей среды.

Примите уверение в совершенном почтении к Вам

Атаман: **И. Безуглов**, писарь: **Еременко**.

7-1-1933.

Против клеветы.

Милостивый Государь г-н Редактор!

Прошу не отказать в любезности напечатать на страницах журнала „ВК“ нижеследующее:

В № 6 „Казачьего Набата“ от 1 января сего года напечатана статья „Самостийность есть казачий большевизм“, подписанная полковником Гр. Чапчиковым. В этой статье автор возводит ложь и на меня, порочая тем мое имя. Настоящим заявляю, что я привлекаю его к суду.

Примите уверение в совершенном почтении

Т. Стариков.

5-1-1933 г. Прага.

Письмо в редакцию.

М. Г. Г-н редактор!

Прошу не отказать в любезности напечатать нижеследующее: В заметке появившейся в № 119 журнала „Вольное Казачество“, озаглавленной „Национальный праздник ВК в Белграде“ за подписью Собкор., искажена моя речь до неузнаваемости. Я говорил на тему о творчески одаренной казачьей молодежи и др., но при этом я подчеркнул, что не разделяю программу „Вольного Казачества“.

Еще раз заявляю, что я не являюсь ни сторонником этого движения, ни его „попутчиком“.

С почтением **Эрднэ Николаев**.

Белград.

От редактора: Печатаю настоящее письмо, я предупреждаю всех соб. корреспондентов, что если кто-нибудь допустит подобное искажение и сообщит редакции неправильные сведения, тот немедленно перестанет быть нашим сотрудником.

До сих пор нас никто не мог упрекнуть в том, что мы искажаем истину или насильно тянем кого либо в свой лагерь. Эта репутация „ВК“ должна остаться с ним навсегда.

Всем казакам.

Белградская Общеказачья Студенческая Станица поздравляет казаков всех казачьих Войск с праздником Рождества Христова и наступающим Новым Годом. Тринадцатое Рождество мы встречаем на чужбине и каждый раз мысленно, с болью в сердце, переносимся в Родные Края...

Тринадцать лет ноет сердце... Болит душа и рвется туда, где ежечасно наши мысли... Каждый год мы вспоминаем как когда-то было на Рождество в Родных Краях... Для того, чтобы вернуть это „когда-то“, мы, казачья молодежь, стоящая на страже казачьих интересов, призываем всех казаков поспешить стать под Национальное Казачье Знамя.

Помните, станичники, что чем дальше мы будем блуждать по чужим, зачастую нам враждебным, партиям, тем час спасения Казачества будет отходить дальше. И какой будет ужас, если мы, сами казаки, отодвинем этот час в вечность... Не будет нам покоя и на том свете от наших предков, борющихся за свободу казачью...

Помните и то, что никакая нация, находясь в таком положении, как в настоящее время Казачество, никогда не ходила по чужим партиям; эмигранты (за

исключением французских эмигрантов прошлого столетия) всегда держались той партии, которая действительно олицетворяла Nation в строгом смысле, партии, которая, согласуясь с требованиями времени, не шла в разрез с интересами своего народа.

Наша путеводная Звезда — Звезда спасения Родного Народа — есть программа Вольного Казачества.

Станичники! Читайте журнал „В. К.“ — только там вы найдете все, что необходимо для казачьей души! Все, как один, кто еще не стал под Вольноказачье Знамя: заблудшиеся по чужим огородам овцы или просто в воздухе обитающие — быстрее под родное знамя Независимости!..

От этого зависит будущее всего Казачества...

От этого зависит судьба тех, кто с душераздирающим воплем взывает к нам о помощи.

Сольемся же все во единое целое, дабы представлять собою силу, с которой можно-бы было говорить. Теперь время такое, что с неорганизованными никто не считается и разговаривать не хочет...

Да здравствует Вольное независимое Казачество в своем государстве — Казаки.

Атаман станицы: **Николай Букин**.

В К а з а к и и.

Восстание на Кубани.

В декабре прошлого года в прессе („Возрождение“, „L'Ami du Peuple“, пражской „Народной Политике“, польской „Zycie Katolickie“ и др.) появились известия (гл. образом через Берлин) о восстании на Кубани в районе Тихорецкой, имевшем место в конце ноября.

Имевшее в начале успех, восстание было жесточайшим образом подавлено частями красной армии.

Согласно сообщениям газет, события развивались следующим образом.

Кубанские казаки нескольких станиц в районе станицы Тихорецкой организовали вооруженное восстание, во главе которого стали кадровые казачьи офицеры. Все способные носить оружие явились на сборные пункты, чтобы принять участие в борьбе.

Восставшие разделились на девять отрядов, распределенных по территории примерно в триста километров. Оружие удалось получить путем захвата трех оружейных складов. Были также пулеметы и бомбометы. Не хватало только полевой артиллерии.

Местные гарнизоны сочувственно отнеслись к восстанию и, если не стали открыто на сторону восставших, то и не выступили в защиту советской власти и без сопротивления дали себя разоружить.

Подготовка к выступлению началась с ранней осени, когда продовольственная нужда обострилась настолько, что население потеряло терпение и стало открыто нападать на обозы с хлебными продуктами, направлявшимися из дальних станиц к железнодорожной магистрали.

С половины октября для казаков наступили тревожные дни: стало известно, что в Москве решили изъять все активное молодое население области и направить его на север. Очевидно это и послужило сигналом к выступлению.

Выступление началось в 14 верстах от станицы Тихорецкой. В общем, собралось вооруженных казаков свыше 6.000 человек, а не вооруженных — чуть не все мужское население района.

Восставшие выделили отряд, занявший ст. Тихорецкую, после ночного боя с небольшим советским отрядом, охранявшим станцию. Советские комиссары и чекисты частью были убиты в бою, частью бежали в Ростов.

Завладев Тихорецкой и другими путями сообщения, восставшие во всех захваченных округах ликвидировали советскую власть.

Почти целую неделю захваченные районы находились под властью восставших.

Посланные ростовскими властями на первых порах слабые воинские части особого назначения были разбиты с большими потерями: восставшим удалось в первые три дня захватить четыре полевых орудия, одиннадцать пулеметов, несколько сот ружей с патронами и большое количество перевязочных средств.

К месту главного боя советское правительство стянуло с разных мест Кавказа войска всех родов оружия и две школы красных курсантов, которыми командовала тройка, специально присланная из Москвы. Повстанцы оказали отчаянное сопротивление. Каждая пядь земли защищалась ими с необычайным ожесточением.

Первые пять дней боя, затихшего только по ночам, не дали решительно никаких результатов. Штыковые атаки всегда кончались в пользу повстанцев.

С шестого дня обозначился перевес на стороне красных, пустивших в ход артиллерию, танки, и даже газы.

Несмотря на недостаток оружия, численное превосходство неприятеля, на большое число раненых и убитых, и недостатку продовольствия и военных припасов, восставшие держались в общем двенадцать дней и только на тринадцатый день бой по всей линии прекратился.

В результате — тысячи убитых и раненых с обеих сторон. Все больницы переполнены ранеными и искалеченными.

Расправа началась в первый же день, после отступления от Тихорецкой повстанцев. Расстреляны были все без исключения пленные, захваченные в боях.

Повсюду вокруг Тихорецкой валялись человеческие трупы, так как пленных убивали по приказу красного командования на месте, где они сдавались, даже не приводя в штабы.

Как только власть перешла вновь от военных к ГПУ, началась расправа с мирным населением. Расстреливали днем и ночью всех, против кого были малейшие подозрения в симпатии к восставшим. Не было пощады никому, ни детям, ни старикам, ни женщинам, ни даже тяжело больным,

Приказ Сталина гласил кратко: выслать все активное казачье население на север в концлагери.

Всего подготовлено к высылке около 18.000 человек, собранных со всей области и расположившихся в ожидании транспорта у ж.-д. станций.

Самое большее можно отправлять по 200—300 человек в день, за отсутствием подвижного состава, продовольствия, угля и пр.

Пока вся армия пленных живет под открытым небом, частью в вырытых наскоро землянках, частью на голой земле в ужаснейших условиях.

Среди восставших было и несколько десятков немецких колонистов.

По советским газетам.

Страницы Ростовского „Молота“ и Краснодарского „К. З.“ за декабрь прошлого года полны все той же борьбой за хлеб, чисткой станичных партийных, комсомольских и иных советских организаций, приговорами судов, высылками и др. карами.

О восстании — ни слова.

„М.“ 5 декабря: „Разоблачайте кулаков и их агентов, разоблачайте саботажников и укрывателей хлеба!“

6 декабря: „Освободить партию от оппортунистов, ставших пособниками антисоветских саботажников хлебозаготовок“... (далее идет длинный список исключенных из партии по ст. Пёповичевской, Медведовской и Константиновской).

8 декабря „М.“ утверждает: „Хлеб есть, его нужно взять!“

11 декабря: „Совхозы должны немедленно ликвидировать позорное отставание в хлебосдаче...“

12 декабря: „Отстающих — на социалистическую поруку!“ „В Армавире темпы преступно сжимаются“... Далее список расстрелянных по приговорам краевого суда...

Ниже — „возмущение“, что „предатели, изменники партии продолжают „руководить“ хлебозаготовками“...

13 декабря: „Коммунист проверяется в борьбе за хлеб“... „Боевая проверка партийных партийных рядов“...

22 декабря: „Четвертая пятидневка декабря дала снижение хлебозаготовок“...

„Враги народа расстреляны“ (следует список).

23 декабря: „До конца разгромить партийных и беспартийных прислужников классового врага“...

30 декабря: „В Краснодарском, Славянском, Усть-Лабинском районах примиренчески относятся к саботажникам хлебозаготовок, к предателям — врагам с партбилетом“...

И т. д., и т. д.

На „черной доске“ все время станицы: Медведовская, Полтавская, Незамаевская, Уманская, Уруская, Ладожская, Стародеревянковская, Старокорсунская, Новодеревянковская, Мешковская.

Выселение станицы Полтавской.

20 декабря в „М“ читаем известия, выходящие из рамок даже самого советского террора. Целая станица выселяется на север:

„Полтавские паразиты выселяются с Кубани. В виду того, что станица Полтавская, несмотря на все принятые меры, продолжает злостно саботировать все хозяйственные мероприятия советской власти и явно идет на поводу у кулака, признать необходимым выслать всех жителей станицы за пределы края“...

„В Полтавской распушен стансовет, перешедший на сторону классового врага“...

„Сопrotивление кулачества будет разгромлено до конца“ — так начинается передовая „М.“ по поводу выселения станицы Полтавской.

— Чем может ответить Казачество на этот массовый террор оккупантов, направленный к ликвидации Казачества для более верной передачи его земель русскому мужику? — Единственным:

Борьба Казачества за освобождение тоже будет доведена до конца.

От администрации.

Для облегчения пересылки подписной платы за журнал „ВК“ при настоящем номере прилагаем специальные чеки Пражской почтовой сберегательной кассы, в которой мы имеем свой счет. По этим чекам (переводам) можно посылать нам подписку из Франции (счет № 80026), из Югославии (№ 65030), из Польши (№ 191500), из Германии (№ 108870) и из Бельгии (№ 3328).

Просим только избегать пересылки по тем чекам-переводам малых сумм, т. к. разница в курсе и стоимость пересылки значительно „с'ели“ бы пересылаемую сумму.

Печатается книга

Пять лет

„Вольного Казачества — Вильного Козацтва“

Сборник избранных передовых статей.

Подписчики журнала „В. К.“, внесшие подписную плату сразу за 1933 год вперед, получают печатаемую книгу бесплатно, оплатив только стоимость пересылки (из-за границы можно прислать в письме два международных купона, в ČSR — почтовую марку (знамку) за 2 Кč.).

Цена книги: в ČSR — 20 кč. За границу — 20 фр. франков.

Книгу „Пять лет“ „В. К.“ должен иметь каждый вольный казак.

• КАЖДЫЙ ВОЛЬНЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ПОДПИСАТЬСЯ НА СВОЙ ЖУРНАЛ! •

Открыта подписка на 1933 год
на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО — ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
 выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0·50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0·20 долл.

Отдельные комплекты за 1930 и 1931 годы продаются: в Ч. С. Р. по 100 к. ч. за год, а за границу — по 4 ам. доллара.

Подписную плату посылать по адресу: „Vlné Kozáctvo“, Hradecká 2207, Praha-Vinohrady, Tchécoslovaquie.